РОМАН О ЛИСЕ

Annotation

Старофранцузский стихотворный «Роман о Лисе» возник на рубеже XII—XIII веков. Яркое, остросюжетное произведение стало подлинным шедевром европейской средневековой литературы. В одном жанровом ряду с ним стоят многочисленные произведения о животных, с глубокой древности создававшиеся на Востоке; типологическим параллелям «Романа о Лисе» с «Панчатантрой», «Калилой и Димной» и др. уделяется значительное внимание в предисловии к переводу.

- - Старофранцузский «Роман о Лисе» и проблемы средневекового животного эпоса
    - 1
    - 2
  - Роман о Лисе
    - I
    - Ia
    - Ib
    - II
    - III
    - X
    - XI
    - XVII
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10

- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 1.
- 9.
- 10.
- 15.
- 32.
- 34.
- 55.
- 79.
- 137.
- 160.
- 181.
- 220.
- 259.
- 279.
- 313.
- 337.
- 359.
- 398.

- 409.
- 411a.
- 411b.
- 412.
- 473.
- 481.
- 524.
- 551.
- 555.
- 654.
- 779.
- 781.
- 825.
- 1624.
- 1625.
- 1673.
- 1684.
- 1687.
- 1764.
- 1899.
- 1976.
- 2166.
- 2183.
- 2241.
- 2370.
- 2374.
- 2380.
- 2390.
- 2391.
- 2392.
- 2437.
- 922.
- 927.
- 67.
- 87.
- 156.
- 236.

- 237.
- 259.
- 312.
- 316.
- 1163.
- 1244.
- 1345.
- 1380.
- 1411.
- 1440.
- 1442.
- 1468.
- 1483.
- 1687.
- 1696.
- 2035.
- 2046.
- 2048.
- 2051.
- 2056.
- 2069.
- 2153.
- 2195.
- 2271.
- 1345.
- 1376.
- 1400.
- 1467.
- 1500.
- 1577.

Старофранцузский «Роман о Лисе» и проблемы средневекового животного эпоса

Vor Jahrhunderren hätte ein Dichter dieses gesungen?

Wie es das möglich? Der Stoff ist ja von gestern und heut.

F. Schiller. Xenien. 270. Reineke Fuchs [1]

Нередко случается, что популярный сюжет находит наиболее полное и совершенное выражение совсем не там и не тогда, где и когда возник. Так было и с рассказами о каверзах и проделках отчаянного смельчака, нахала и пройдохи Ренара-Лиса, известными (с вариациями) едва ли не во всех литературах мира. В конце блужданий этого сюжета мы находим знаменитую поэму Гёте «Рейнеке-Лис», написанную в 1793 г. А до неё — многочисленнейшие обработки и переложения, принадлежащие перу как известных авторов, так и безымянных средневековых поэтов.

1

Первая обширная обработка сюжетов о Лисе, их первое сведение в некое целое произошли на французской почве, где в последние десятилетия XII в. стали возникать одна за другой небольшие поэмы, повествующие о том или ином эпизоде из жизни Лиса, затем, уже в начале следующего столетия, объединившиеся в достаточно связное повествование, к которому на всем протяжении XIII в. продолжали пристраиваться дополнительные «ветви».

Автором первой из этих поэм был некий Пьер де Сёп-Клу. Около 1175 г. он написал восьмисложным стихом с парной рифмой историю о приключениях Лиса и его антагонистов. Размер был не новый: им писалось большинство стихотворных повествовательных произведений эпохи — рыцарские романы, назидательные сочинения, описания животных («бестиарии»), басни и т.д. Этим размером писали и все продолжатели Пьера де Сен-Клу. Их поэмы, которые обычно называют «ветвями»[2] (от франц. branches), не заставили себя ждать: за тридцать лет, до 1205 г., было написано около двадцати таких поэм[3]. Ученые справедливо отмечают определенное единство «ветвей», созданных между 1175 и 1205 гг., хотя в изложении событий здесь нет ни строгой последовательности, ни логики. Единство это не сюжетное. Оно реализуется на уровне трактовки персонажей, которые обладают фиксированными характерами и постоянными функциями в повествовании. Отметим сразу же композиционную «открытость» этого причудливого целого: незавершенность основного конфликта «Романа» — вражды и соперничества лиса Ренара и волка Изенгрина, в который включаются и другие представители животного мира, от льва до улитки,— позволяла создавать все новые поэмы, посвященные очередным проделкам Лиса. И если «ветвь» XVII-я отчасти резюмирует и подводит итог предыдущим, повествуя о кончине основного протагониста, то и этот итог оказывается мнимым — в действительности Лис не погибает и вновь готов к новым каверзам и проказам. Поэтому не приходится удивляться, что и позднее создавались очередные «ветви» «Романа», причем они не только продолжали его, пристраиваясь к его концу, но и вплетались в его

середину и даже становились в его начало: так, после 1205 г. возникли XIII-я «ветвь», рассказывающая, как Лис покрасился в черный цвет, и «ветвь» XXIV-я, посвященная «героическому детству» Лиса и Изенгрина, которая стала своеобразным прологом ко всему корпусу «Романа»[4]. Видимо, законы циклизации, ее приемы и методы однотипны, идет ли речь о героическом эпосе, рыцарском романе или же о таком своеобразном произведении, каким является «Роман о Лисе».

Время сложения этого произведения, его циклической организации не было долгим: в середине XIII в. основной корпус «Романа» был завершен. Последующие продолжения и дополнения — это уже совершенно новые произведения, выступающие как намеренные парафразы и даже пародийные переосмысления памятника.

Как уже отмечалось, при всей пестроте составляющих «Роман о Лисе» «ветвей» в них есть определенное единство трактовки персонажей их характеров и повадок, в изображении соотнесенности животного мира с миром людей. И тем не менее разные «ветви» обладают собственной, лишь им присущей тональностью, они как бы ставят перед собой не вполне сходные задачи. В одних преобладает интерес к описанию проделок Лиса как представителя вообще животного мира, увиденного глазами внимательного и вдумчивого наблюдателя, в других те же самые проделки изображаются вне зоологического контекста — как манера поведения просто плута и обманщика, в третьих на первый план выдвигаются, как это принято в басенной традиции, дидактические задачи, в четвертых под прозрачными покровами царства зверей достоверно и нелицеприятно изображается феодальное общество рубежа XII и XIII вв. Все это определяет и характер описываемых в отдельных «ветвях» проделок Лиса, и их мотивировку, и присутствие или же, напротив, отсутствие в произведении людей, с которыми звери либо вступают в какие-то контакты, либо пародийно воспроизводят человеческие психологические типы и взаимоотношения.

Таким образом, одной из примечательных особенностей этого произведения было не только движение, развертывание сюжета, но и изменение тональности памятника, изменение характера решаемых «Романом» идейных и этических задач. По ходу повествования — от

«ветви» к «ветви» и от десятилетия к десятилетию — все усложняются и осложняются взаимоотношения главного героя и его окружения, их конфликт становится все более острым и неразрешимым. И точно так же — от поэмы к поэме — чисто развлекательные цели постепенно сменяются сатирическими, чтобы затем уступить место моральным поучениям.

Забавные истории о животных, видимо, издавна бытовали в широкой народной среде, в фольклоре и не менее увлекали и заинтересовывали доверчивых и жадных до всяческих баснословий средневековых слушателей, чем рассказы о приключениях отважных рыцарей в зачарованных лесных дебрях или о заколдованных замках. Не подлежит сомнению, что созданию поэм Пьера де Сен-Клу и его продолжателей предшествовал достаточно длительный этап устного бытования всех этих занимательных и поучительных сюжетов.

Отметим также, что «Роман о Лисе» возник в пору расцвета рыцарского романа как его комическая, во многом пародийная параллель. Отчасти в этом смысл обозначения жанра памятника, вынесенного в его заглавие,— это тоже «роман», т. е. повествование о приключениях, в том числе рыцарских и любовных. Но участниками их оказываются не люди, а звери, и ведут они себя не как утонченно-куртуазные рыцари и их дамы, а как отъявленные пройдохи и мошенники или как глуповатые простаки, нередко грубые и жестокие. Тем самым «Роман о Лисе» примыкает к сатирическим жанрам средневековой литературы: если с басенной традицией у него много точек соприкосновения генетически, то к жанру фаблио (небольшие сатирические и нравоучительные стихотворные повести с острым сюжетом и подчас неожиданной развязкой) он близок выбором персонажей, их трактовкой, теми комическими ситуациями, в которые эти персонажи попадают, вообще особенностями мироощущения и способами изображения действительности. Но у термина «роман» был, вероятно, и другой смысл. Здесь можно видеть указание на язык памятника — романский, в отличие от латыни, на которой ранее рассказывалось о ссорах зверей, повадками, правом, «характерами» так напоминающих людей. В латинской литературе Средневековья разнообразным произведениям о животных принадлежало заметное место.

Пьер де Сен-Клу был способным версификатором и изобретательным рассказчиком. Но он не ставил перед собой ни сатирических, ни пародийных задач. Он хотел повеселить и развлечь. Но в его не очень связанных между собой рассказах о проделках Лиса возникает уже основная тема всего цикла, его сюжетная доминанта, тот фабульный стержень, на который с легкостью нанизались затем все последующие «ветви» «Романа»,— это непримиримая вражда лиса Ренара с волком Изенгрином. Нет, не Пьер де Сен-Клу эту тему придумал; мы находим мотив постоянного соперничества волка и лиса в фольклоре, в басенной традиции, в латинских памятниках животного эпоса.

Как и у его предшественников, но в более явном виде, у Пьера де Сен-Клу обнаружилась та двойственность в изображении персонажей, которая станет затем отличительной чертой, наверное, всех «ветвей» произведения. В самом деле, изображаемые в поэмах Перро животные — это не просто звери, которых можно встретить в лесах Нормандии, Пуату, Иль-де-Франса; все они воспроизводят своеобразную модель человеческого поведения. Лис оказывается галантным ухажером, а волчица Грызетта — довольно ветреной супругой Изенгрина. И если в конце II-й «ветви» Лис сначала забредает в типичное волчье логово, а затем спасается в своей не менее типичной лисьей норе, то, когда в начале «ветви» Va действие переносится на королевский двор льва Нобля («Благородного», «Властелина»), реальные приметы жизни лесных обитателей уступают место некоему воображаемому царству зверей, напоминающему феодальную действительность XII столетия.

Итак, уже в первых по времени возникновения «ветвях» «Романа о Лисе» антропоморфизм основных персонажей выявляется весьма отчетливо. Здесь нет попытки воспроизвести подлинные повадки животных, их реальные взаимоотношения. Напротив, вопреки многочисленным наблюдениям средневековых «зоологов», волк наделяется тут простодушием, неловкостью, доверчивостью и т.п. Эти качества подсмотрены отнюдь не у реальных волков — просто уже в героях первых «ветвей» смоделированы человеческие отношения, и при этом социальные и психологические роли оказываются здесь распределенными раз и навсегда.

Но рядом с этим антропоморфизмом появляется и вполне осознанный зооморфизм: под условными животными масками

обнаруживается «нечеловеческое», звериное в человеке, человек приравнивается животному, низводится до него. Животная маска не скрывает, а вскрывает человеческие недостатки. Таким образом, животные в «Романе о Лисе» не копируют человека (хотя есть и это), не воплощают его, а изображают с известной долей отстранения, на некотором расстоянии, откуда многое видно лучше и точнее.

Поэтому характеры и повадки животных в «Романе» не столько плод наблюдений, сколько мотивы литературы, причем мотивы чрезвычайно устойчивые, пришедшие в это произведение и из фольклорной традиции, и из литературы ученой (латинской), опирающейся на богатый предшествующий опыт, что восходит в конце концов к «Батрахомиомахии» — «Войне мышей и лягушек», древнегреческому комическому эпосу, своеобразной пародии на «Илиаду». Эта литературная условность, пародийность и комическое начало станут отличительными признаками животного эпоса в западной традиции, почти вовсе отсутствующими в традиции восточной.

Необходимо подчеркнуть все же, что это не та условность в трактовке животных, с которой мы сталкиваемся в ряде других жанров средневековой словесности. В персонажах «Романа» нет иносказания и аллегоризма, которыми отмечены фигуры животных в бестиариях, где описываемый зверь непременно что-либо символизирует, оставаясь в то же время самим собой. В «Романе о Лисе» все действующие лица — до самых малозначащих и проходных — сложное сочетание свойств реальных животных с некоторыми человеческими чертами и набором чисто условных литературных свойств и качеств.

Все эти особенности уже были в произведении Пьера де Сен-Клу. Однако самой популярной и в литературном отношении наиболее удачной признают обширную первую «ветвь» (состоящую из трех самостоятельных, но тесно связанных между собою поэм — I, Ia и Ib по традиционной нумерации). Первая «ветвь» и ее непосредственные продолжения появились позже поэм Пьера де Сен-Клу, но в большинстве циклических рукописей занимают первое место. Оно определяется не сюжетом, а именно литературными достоинствами произведения.

В первой «ветви» и примыкающих к ней двух продолжениях звериный «социум» предстает перед читателем во всем своем многообразии и регламентированности. Это, конечно, королевство, как бы организованное по человеческим меркам. Во главе его стоит король, в образе которого хорошо просматриваются черты идеальных государей Средневековья, как они постоянно изображались в героическом эпосе и рыцарском романе. В этом смысле лев Нобль вполне сопоставим с такими популярными в литературе Средних веков персонажами, как Александр Македонский, Карл Великий или король Артур. Нобль мудр, справедлив и спокоен. Он не любит суеты и поспешности, хотя порой и может вспылить и приструнить смутьяна. Он стремится все кончить миром, всех успокоить, пресечь вражду, заставить врагов протянуть друг другу руку. Он по-своему симпатизирует Лису, отчаянное озорство которого его забавляет. И лишь крайнее нахальство и вероломство Лиса, постоянно нарушающего свои обещания и открыто глумящегося над королем и его двором, заставляет льва прибегать к исключительным мерам. Но справедливость Властелина не всегда последовательна и беспристрастна: увидев, сколь богатые дары приносит ему семейство Лиса, Нобль тут же прощает крамольника и снова верит всем его обещаниям и посулам.

Королевская вознесённость над вассалами, что воплощается не только в обладании прерогативами власти, но и в особой, по сравнению с другими героями, умудренности и чувстве справедливости, действительно, родит Нобля с образами монархов в эпосе и романе. Но на этом их сходство и кончается. А отличия весьма показательны. В противоположность «державному Карлу» и королю Артуру лев Нобль «Романа о Лисе» лишен присущих героям рыцарских поэм и романов воинственности и отваги. Он почти никогда не ходит в походы, не участвует в сражениях. Государство его пребывает в состоянии мира. У него нет внешних врагов, чьи нападения следовало бы отражать. У него нет земель или городов, подпавших под власть неприятеля, которые надо было бы отвоевывать[5]. Тем самым средневековое общество изображается в «Романе о Лисе», как правило, в редкие и совсем нехарактерные для него дни мира и спокойствия. В этом отношении «Роман» сопоставим с фаблио, где также изображалась прежде всего мирная повседневная

жизнь горожан, вилланов, вообще средних слоев средневекового общества. Впрочем, на поверку эта мирная обстановка, это спокойствие оказываются весьма относительными. Мир и покой все время подтачиваются и разрушаются изнутри. Носителем этой постоянной дисгармонии становится в произведении его центральный персонаж.

Отметим, однако, что в отличие от «возмутителей спокойствия» в иных сатирических жанрах средневековой словесности, где ими бывали обычно молодые люди простого звания — подчас бездомные школяры и даже обыкновенные бродяги, здесь перед нами уже немолодой феодал, обремененный семьей, окруженный многочисленными вассалами и т.д. Но ведет он себя совсем не так, как мятежные герои эпических поэм или рыцарских романов, бросавшие вызов королевской власти. Попирая законы феодального общества (и, добавим, нарушая правила литературного этикета), Лис вынужден выискивать всевозможные ходы и уловки, чтобы выстоять в борьбе, чтобы попросту выжить. Тем самым в «Романе», в отличие от басенной традиции, образ Лиса двойствен: наш герой — могущественный феодал, владелец неприступного замка, один из баронов короля Нобля, но и персонаж, этому обществу решительно противостоящий, ведущий с пим упорную и во многом неравную борьбу. Поэтому Лис из непокорного феодала превращается в некоего выразителя мнения толпы, как полагал Р. Боссюа[6], т. е. широких демократических масс. Хотя это, видимо, не совсем так, нельзя не отметить одобрительного отношения в «Романе» не только к борьбе Лиса с волком Изенгрином, олицетворяющим более высокую власть (волк — коннетабль) и более безжалостную и дикую силу, но и к любым проделкам героя. В них обнаруживается как его смелость, так и находчивость. Лис никогда не теряется и отыскивает выход из любой переделки. Если он и не всегда побеждает своих противников, то непременно выходит сухим из воды. При этом он обнажает глупость, жадность, завистливость других зверей, прежде всего, конечно, волка Изенгрина. Но отнюдь не только его; одураченным нередко остается и сам король Нобль, в столкновении с Лисом обнаруживающий не положенную ему мудрость, а доверчивость и наивность, а также плохо скрываемую жадность.

Тем самым главный герой «Романа о Лисе», выполняя роль возмутителя спокойствия, своим поведением, даже самим своим существованием неизменно разоблачает явные или скрытые пороки окружающих. Но помимо этой «социальной» функции, во многом обусловливающей его место в описываемой в произведении условной действительности, образ жизни Лиса диктуется прежде всего его характером. Лисом движет как бы врожденное, не знающее удержу озорство, которое, между прочим, вообще присуще ему в мировом сказочном сюжетном фонде и отразилось в необозримом числе фольклорных и литературных памятников (для многих эпизодов «Романа» можно найти параллели по указателю Аарне-Томпсона). Именно это озорство (а не убогая рассудительность и приземленная расчетливость) придает образу Лиса неповторимые народные черты. Но оно же часто делает героя безжалостным и жестоким.

Это, так сказать, свойство характера. Но в «Романе о Лисе» поведение героя почти постоянно объясняется и совсем иначе, а именно: чувством голода, которое выгоняет Лиса из дому не на поиски отчаянных приключений, а самого обыкновенного пропитания. В этом, а не только в прирожденной агрессивности, причина его столь частых неладов с другими зверями; тяжелая повседневная борьба за существование сформировала его неповторимый характер, изощрила ум, укрепила волю, наделила дерзкой смелостью. Страшное чувство голода, столь хорошо знакомое простым людям Средневековья[7], описано в ряде «ветвей» «Романа» очень достоверно и подробно. По всей видимости, именно такой мотив поведения Лиса и является здесь доминирующим.

Этот мотив — результат и наблюдений над повадками животных, и переосмысления безрадостного положения бесправных бедняков. Введение подобного мотива в произведение обнаруживает внешнюю противоречивость последнего. Но противоречивость эта лишь кажущаяся. Если видеть в «Романе» только травестированное изображение феодальной действительности, т. е. последовательно антропоморфное истолкование животного мира, то нарисованная в отдельных «ветвях» картина в самом деле не может не показаться заведомо неправдоподобной. Но она точно соответствует той условной действительности, которая рисуется в «Романе». Поэтому знатный барон, ворующий кур на ферме виллана,— это не бессмыслица, не

художественный просчет. Это та мера условности, которая определена сочетанием антропоморфного изображения животного царства с зооморфным истолкованием феодальной действительности. Думается, как раз сочетание антропоморфизма с зооморфизмом снимает возможные противоречия в той картине жизни, которая развернута в «Романе о Лисе», картине, безусловно, сказочной.

Лис поразительно многолик, и дело здесь совсем не в несогласованности отдельных «ветвей» «Романа». Этот образ нельзя рассматривать как олицетворение какого-то одного психологического типа и тем более как воплощение определенного социального слоя средневекового общества. В самом деле, кто такой Лис — желчный мизантроп, своевольный феодал, подвергаемый постоянному остракизму изгой, задавленный тяжелой жизнью труженик, неисправимый озорник, бунтарь, драчун и забияка? Видимо, всего понемногу. В его характере нашлось место для многих человеческих слабостей и пороков, но и для большого числа достоинств. Это человек вообще, находящийся в разладе со своей средой, точнее — живущий в обществе, раздираемом острейшими конфликтами.

Другие животные не столь индивидуализированы, и их характеры, естественно, не так подробно разработаны в «Романе». В них подчеркивается какая-то одна доминирующая черта — воинственное бахвальство петуха Шантеклера, хитрость кота Тибера, благодушие барсука Гринбера, глупость осла Бернара и т.д. Даже непременный антагонист Лиса волк Изенгрин — прежде всего непроходимо глуп. Отсюда его простодушие, доверчивость, неловкость, что делает его легкой жертвой жестоких розыгрышей Лиса.

Все герои «Романа о Лисе» (по крайней мере основные) имеют имена, и это, думается, связано как раз с тем, что все они наделены лишь им присущими достаточно условными характерами. Одни из этих имен прозрачно значимы (лев, львица, медведь, петух и т.д.), другие относительно нейтральны (это обычные человеческие имена, например осел Бернар), этимология третьих уже стерта, а потому довольно сложна (о значении Ренара и Изенгрина будет сказано ниже).

В имени волчицы Грызенты (Hersent) подчеркнута ее «зубастость» (от франц. herse — борона, колючая решетка), но в книге этот персонаж наделен иными свойствами. В Грызенте «Романа» выделена главным образом ее ветреность, готовность уступить

первому попавшемуся ухажеру. Тема женской неверности постоянно возникает в «Романе о Лисе», нередко приобретая формы резкой сатиры на женщин в духе фаблио и антифеминистской литературы эпохи. Готова к изменам и львица, недаром в одной из «ветвей» романа Лис женится на ней. Львица кокетничает с героем, дарит на память кольцо, и вспышки ревности короля Нобля вполне оправданы. Но не очень верна и лисица: думая, что муж погиб, она тут же выходит замуж за племянника барсука Гринбера. Таким образом, хотя три основных женских персонажа книги, три «дамы» обладают каждая какими-то лишь ей присущими чертами, доминирует в них одно — неверность и отчасти сварливость. Однако было бы ошибкой утверждать (как это делает Р. Боссюа[8]), что героини романа обрисованы менее ярко и выпукло, чем его герои. Высмеивание куртуазных идеалов, столь отчетливо звучащее в «Романе о Лисе», в трактовке женских образов проявляет себя наиболее последовательно и иллюстрируется особенно комичными сценами.

Сама двойственность трактовки действительности в романе, о чем пишут многие исследователи[9], объясняется не только пародийными задачами (которые вообще не следует преувеличивать), но в значительно большей степени тем, что по мере своего развития цикл все более сближался с сатирической городской повестью (фаблио). В отдельные «ветви» «Романа о Лисе» широко входит изображение повседневной жизни средневекового крестьянина, с которым постоянно сталкиваются основные герои книги. Так, Лис проникает на ферму, спасается от охотников, попадает в капкан, поставленный вилланами; волку и медведю приходится испытать силу крестьянской дубины, улепетывать от собак и т.п. И наряду с этим животные вступают в такие взаимоотношения с людьми, каких не могло существовать в реальной жизни: к примеру, Лис яростно переругивается с красильщиком, навещает святого отшельника, препирается с монахами и т.п. Некоторые «ветви» и по тону, и по приемам повествования представляют собой типичные фаблио.

Итак, по мере развития цикла его пародийная направленность снижается. Причем следует различать обыгрывание в комическом плане стилистических формул и повествовательных приемов иных жанров (по преимуществу героических поэм и рыцарских романов) и сатирическое отождествление звериного королевства и феодального

мира. Пародийные задачи (достаточно подробно изученные[10]) постепенно — и неуклонно — уступают место задачам сатирическим. При этом подобная сатира носит порой и политический характер. Так, можно предположить, что изображенные в книге (в ранних ее «ветвях») лев и львица — это прозрачный намек на французскую королевскую чету, Людовика VII и его первую жену Альепору Аквитанскую, а присланный от папы в качестве легата верблюд — кардинал Петр Павийский, легат папы Александра III при Людовике VII[11] .

Но подобные политические намеки (скажем, на ветреность Альеноры и на ссоры в королевской семье) появляются в «Романе о Лисе» лишь от случая к случаю. Как правило, перед нами сатирическое изображение не конкретных личностей, а определенных качеств человека, ярко выявляющихся в условиях феодального миропорядка. Сатира эта неизбежно антифеодальна, по направлена она в первую очередь не против королевской власти и монарха как ее носителя и даже не против более низкого «этажа» государственной пирамиды — знатных феодалов, «баронов», которые дерутся и преследуют друг друга, как звери в лесу, а против всего жизненного уклада феодального общества, сформировавшего эгоистические, коварные и озлобленные человеческие характеры. Широкая демократическая основа этой сатиры понятна, но также закономерен переход от подобной сатиры к нанморализму, к навязчивой и плоской дидактике, чем отмечены поздние «ветви» произведения и его дальнейшие переработки.

Наиболее резка и непримирима в «Романе о Лисе» сатира антиклерикальная. Этому не приходится удивляться: городская литература Средневековья питала особое пристрастие к такой сатире. В ней ярко и выразительно противопоставлялись кажущееся и истинное, должное и реальное. Прегрешения мелкого и среднего духовенства вызывали критику не потому, что обнажали тот простой факт, что служители церкви ничем не отличаются от обычных смертных, а потому, что они вскрывали резкое противоречие между их словами, обязанностями и их истинным лицом.

В «Романе о Лисе» введение антиклерикальной сатиры достигается двумя путями, предопределенными двойственностью трактовки общества животных. Там, где последнее соседствует с

миром людей, появляются сатирические фигуры представителей духовенства. Но если звери начинают изображаться антропоморфно, без учета их живых повадок, т. е. когда они разыгрывают роли придворных льва Нобля[12], то тогда антиклерикальная сатира приобретает комические и пародийные черты. В самом деле, осёл, читающий проповедь, волк, звонящий в колокола или смиренно принимающий монашеский постриг, лис в костюме паломника, с крестом и посохом («ветви» I-я и V-я), звери, теснящиеся в церкви и даже служащие мессу (например, в «ветви» XIV-й) или панихиду (похороны курицы в «ветви» I-й),— все это не столько разоблачительные, сколько просто очень смешные картины. Они сродни пародийному травестированию священных текстов и церковного обихода в поэзии и празднествах вагантов: травестии эти не подрывали основ религиозного мировоззрения[13], но, бесспорно, снимали с пародируемых объектов ореол святости.

Подобные озорные и богохульные картины хорошо вписывались в общий травестийный и пародийный мир «Романа о Лисе», и как раз комические и сатирические традиции этого своеобразного памятника городской литературы Средних веков были подхвачены поэтами второй половины XIII столетия.

2

Старофранцузский «Роман о Лисе» должен, естественно, изучаться с разных точек зрения. Он может быть, например, рассмотрен в литературном окружении своего времени и сопоставлен как с городской литературой вообще, так и с теми многочисленными произведениями о животных, что сохраняли популярность на протяжении всего XIII в., в том числе с баснями и бестиариями. Большой интерес представляет изучение генезиса «Романа о Лисе», т. е. выявление его ближайших предшественников и далеких истоков. Наконец, небесполезно обратиться к сходным памятникам других литератур, в частности литератур Востока, где тем или иным образом обнаруживают себя близкие «Роману о Лисе» мотивы.

Вместе с тем не приходится сомневаться, что все эти аспекты изучения «Романа» так или иначе сводятся к проблеме генезиса произведения. Наш «Роман» возник не на пустом месте, он был подготовлен опытом других жанров и других литератур и именно благодаря этому смог вылиться в столь законченные формы и выработать достаточно цельную концепцию действительности, чего мы почти не найдем в многочисленных произведениях других литератур, также выводящих па сцену животных в качестве основных персонажей. В иных произведениях мировой литературы еще не была утрачена архаическая мифопоэтическая основа и поэтому не произошло выключения животных из социальной иерархии; потому же не исчезла идея происхождения человеческого коллектива от животных-первопредков, и тем самым сохранялось представление о животном как особой ипостаси человека. И хотя такое отношение к животному миру, зафиксированное во многих мифах и литературных произведениях, не имеет, казалось бы, ничего общего с концепцией действительности «Романа о Лисе» и даже с развитой индоевропейской басенной традицией — древнегреческой и древнеиндийской и их производными, не учитывать мифологического происхождения ряда мотивов и образов этого памятника все же нельзя.

Привычность и «маниабильность» (удобоупотребляемость) образов животного мира в качестве обобщенных заменителей образов

людей сделали сказки и басни о животных достоянием всех литератур и — неизбежно — неразрешимым вопрос о приоритете греческой или индийской традиции в распространении этого жанра. В самом деле, мы находим фрагменты животного эпоса и в Древней Греции, и в Древней Индии, причем письменной его фиксации непременно предшествует достаточно длительный период устного бытования. И в Греции, и в Индии животный эпос неизменно тяготеет к басенной форме, т. е. форме житейского поучительного примера. Иногда совокупность таких басен организовывалась в форме обрамленной повести (например, индийская «Панчатантра»), иногда же такой организации не происходило (басни Эзопа и его последователей). Для нас не так уж и важно, родилась ли животная басня в Шумере или Вавилоне, в Греции или Индии. Существеннее не место рождения, а тот ареал, где басенная традиция приобрела достаточно развитые формы, чтобы затем начать свой путь по странам и континентам. Если Бенфей безоговорочно верил в индийское происхождение всех сказочных и басенных сюжетов, то в нашем веке подобная точка зрения имеет уже не очень многих сторонников. Вместе с тем роль Индии бесспорно огромна. Как писал И. Левин, «значение Индии в отношении басни не в приоритете сюжетов (как полагали ученые еще в прошлом веке), а в том, что басни, еще до нашей эры попавшие туда через Малую Азию, вероятно и через Иран, с Ближнего Востока (в особенности из античной Греции), были собраны индийцами в большие своды»[14].

В Древней Индии место лиса как персонажа-трикстера неизменно занимает шакал (в «Панчатантре», «Хитопадеше» и т.д.). Но это вряд ли что-либо меняет. Важнее отметить, что в индийской повествовательной традиции нет устойчивого мотива вражды лиса (шакала) и волка. Нет этого мотива и у Эзопа. Он появляется позднее, и его появление, как нам представляется, связано с возникновением протосюжета «Романа о Лисе».

Видимо, решающим здесь было постепенное видоизменение трактовки образа волка. Согласно целому ряду мифов, волк считался тотемическим животным и почитался как божество войны. Поэтому он воспринимался как предводитель боевой дружины и вождь племени, что характерно для широкой индоевропейской традиции[15]. Отсюда — нередкое переодевание вождя племени и военачальника в волчью

шкуру, присоединение к имени «волчьей» клички (например, грузинский царь Вахтанг Горгослани, т. е. «Волкоглавый») и т.п. Вместе с тем поверья многих народов связывают с волком мотив оборотничества, отношений с нечистой силой, что превращает волка в какой-то мере в хтоническое божество. Так, в скандинавской мифологии конец света связывается с появлением гигантского волка, а древнеисландское божество Один обычно фигурирует в сопровождении воронов и волков (клички последних — Гери и Фреки — переводятся как «жадный» и «прожорливый»), связанных с идеей смерти. Волк становится представителем царства мертвых, и культ его с особой полнотой реализуется в погребальных обрядах[16]. На Балканах получила широкое распространение и отразилась в фольклоре вера в волко-человека, мертвеца-оборотня (волкодлака, вурдалака), обладавшего сверхъестественной способностью превращаться в волка. Средневековые историки не раз отмечали в народе стойкую веру в способность некоторых людей оборачиваться волком и творить в этом обличье злые дела. Видимо, эти представления, а не только та реальная опасность, которая исходила от волка, сделали этого лесного хищника особенно ненавистным и пугающим на протяжении многих веков[17].

Закономерен вопрос, почему и когда возник основной мотив «Романа о Лисе» — непримиримое соперничество Ренара и Изенгрина. Показательно, что первоначально лиса и волк (а также шакал и, отчасти, собака) не только не противопоставлялись, но нередко выступали нерасчлененно, как некое единство, воспринимаясь как олицетворение ночной темноты (отсюда волк — «серый»), чреватой опасной таинственностью и потенциальным злом[18]. На каком-то этапе развития мифопоэтической традиции образы волка (шакала) и лиса были взаимозамещаемыми в широком спектре первобытных представлений об оборотничестве. Возможно, эта близость и сделала их постоянными врагами. Оба они были опасными хищниками, наносившими немалый урон средневековому человеку, но все-таки хищниками по своей «натуре» разными. При непосредственном столкновении волк оказывался сильнее. Лиса же противопоставляла силе хитрость. Так постепенно сложились их фольклорные и литературные амплуа.

Когда произошло это разделение функций — не вполне ясно. Уже в поздних античных мифах мы находим лису и волка в совершенно разных ролях. Но там они еще не стали опасны для человека. Даже напротив. Как известно, капитолийская волчица вскормила Ромула и Рема и тем способствовала основанию великого города, а лиса с ее умением прорывать сложные подземные лабиринты смогла помочь Орфею спуститься в подземное царство в поисках Эвридики. Противопоставлены человеку эти звери стали позже — видимо, на исходе античности или уже в Средние века.

Вот почему животные басенной традиции, уже достаточно ранней, не находятся, в отличие от мифа, в некоем симбиозе с людьми. В мифе же, лежащем в основе басенных сюжетов, претерпевших затем решительные трансформации, боги могли принимать облик животных (так, Зевс оборачивался быком, лебедем и т.д.), было возможно появление некоего гибрида человека и животного (кентавры и т.д.), и люди нередко вступали в связь с животными (Пасифая с морским быком и т.п.). В басне животные выступают как отличные от человека существа, и это говорит о том, что басенная традиция далеко уходит от мифа: уже осознается, что культурное и социальное отделено от природного. В басне животные начинают дублировать поведение человека, подменяя его как некий условный и, главное, обобщающий, типизирующий код.

Поэтому в формировании «Романа о Лисе» басенная традиция, идущая от античности, сыграла первостепенную, если не решающую роль. Эта традиция, должно быть, не знала перерыва. Хотя не каждое столетие Средневековья оставило нам образцы басенного творчества, сохранившиеся многочисленные циклы средневековых басен говорят о стойкости и преемственности этой традиции.

Первая латинская обработка эзопических басен принадлежит, как известно, Федру, поэту I в. н.э. Наличие нескольких изводов басен Федра указывает на популярность его творчества и жанра басни вообще. Частично к Федру восходит басенный цикл Авиана (впрочем, он больше ориентировался на изысканный стиль Бабрия). Писал Авиан в IV или V в. Более точной обработкой Федра является прозаический сборник неизвестного, автора, вошедший в историю литературы под названием «Ромул». Его также датируют IV или V в. По-видимому, существовал в эпоху Раннего Средневековья и еще один

басенный цикл на латинском языке — так называемый «Латинский Эзоп», текст которого не сохранился, по реальность которого подтверждается косвенными свидетельствами. В «Ромуле» видят влияние этой книги. Использовал автор «Ромула» и латинское прозаическое переложение басен Бабрия (сборник «псевдо-Досифея»). «Ромул» был чрезвычайно популярен: на протяжении Средних веков он переписывался и перерабатывался по меньшей мере 12 раз. Существует легенда, что этот басенный цикл перевел на английский (англо-саксонский) язык полулегендарный король-мудрец Альфред Великий (849—901). Если его «Английский Ромул» не сохранился, то перевод этой книги па французский язык, сделанный во второй половине XII в. знаменитой поэтессой Марией Французской, до нас дошел. Но ее книга — не единственное французское переложение латинских образцов. Известны многочисленные «изопеты» (басенные циклы, названные так по искаженному имени прародителя басни Эзопа), созданные в XII и XIII вв.,— «Изопет Лионский», «Изопет I Парижский», «Изопет II Парижский», «Изопет III Парижский», «Изопет Шартрский», а также «Авианнет» (переложение басен Авиана) и др.

Во всех этих сборниках немало басен, где люди выступают в обличье животных или, точнее, животные, сохраняя многие черты присущих им «характеров», имитируют поведение людей. В подобных баснях заметен интерес к сниженным, низменным сюжетам, звери попадают здесь в комические, заведомо смешные ситуации и обнаруживают грубую примитивность побуждений, нечестность и даже подлость поступков. Во всех этих баснях жизнь изображается в ее теневых, самых непривлекательных проявлениях, положительные персонажи встречаются в них очень редко. Но смысл таких «отрицательных примеров» очевиден: из каждого незамысловатого «животного анекдота» непременно извлекается позитивная мораль, полезный житейский урок; в басне подвергается хуле порок, указывается на возможные ошибки, возвеличивается или хотя бы просто одобряется добродетель. Басенная традиция, в которой дидактическое иносказание сливается с изображением самых обычных жизненных коллизий и обстоятельств,— это один из подступов к «Роману о Лисе», существенный компонент его фабульного фонда и своеобразной концепции действительности.

Совсем иными выглядят животные в бестиариях, которые были заметной жанровой разновидностью литературы Средних веков, тяготея к естественнонаучным и аллегорическим сочинениям, осмыслявшим открывающийся перед человеком окружающий мир и объединявшим в этом осмыслении объективно-научную и религиозно-символическую точку зрения. Как пишет К. М. Муратова, «образы животных постоянно возникают перед средневековым человеком. Они определяют характер средневековой тератологической орнаментации, воплощающей своим беспокойным потоком смутную и хаотическую стихию полуварварского мироощущения первых столетий Средневековья. Они прячутся в стилизованной листве капителей и скользят по страницам средневековых рукописей, складываясь в буквы. Они располагаются па полях манускриптов, оживляя их своими играми, гомоном и щебетанием. Они служат постоянным назидапием человеку, фигурируя в проповедях, баснях, легендах и сказках... Изображения животных распространяются и на церковную утварь, превращаясь то в подножие светильника, то в узор драгоценной ризы, то в сосуд для воды, и проникают в будничный обиход каждого дома, украшая одежду и утварь»[19]. Но бестиарии, как показывает далее исследовательница, носят не только прикладной, орнаментальный характер, но и пронизаны религиозно-философскими тенденциями.

Уже во II—III вв., видимо в Александрии, появляется «Физиолог», прообраз будущих средневековых сочинений о животном мире[20]. Основное внимание было направлено здесь не на систематическое изложение накопленных к тому времени знаний о животных, а па открытие потаенного символического смысла явлений природного мира. Так, например, рыба оказывалась аллегорией человеческого непостоянства, гиена — погрязшего в грехе человека, бобер — человека праведного, слон — Адама, слониха — Евы, а мифический единорог — самого Иисуса Христа. Наивные античные метаморфозы, продиктованные первобытным синкретизмом мышления, уступали место сокровенным тайнам мироздания. Столпы католической ортодоксии Василий Великий, Иоанн Златоуст, Амвросий Медиоланский и другие также внесли свой вклад в описание и символическое истолкование животных. Плодовитый писатель рубежа VI и VII вв. Исидор Севильский посвящает животным XII-ю книгу своих «Этимологий». Под влиянием этой энциклопедической «суммы»

Раннего Средневековья в «Физиолог» проникает зоологическая классификация описываемых животных, сливающаяся с этимологическими истолкованиями их названий. Все это закрепляется в многочисленнейших бестиариях, создававшихся на латинском языке, в которых отрабатывался и кодифицировался принцип построения подобного произведения, т. е. его внешняя структура, и закреплялись основные аллегорические параллели изображаемым представителям мира природы. Вскоре появляются бестиарии и на новых языках, причем как в прозе, так и в стихах.

Эти стихотворные бестиарии на новых, живых языках, прежде всего на французском (Филиппа Танского, Гильома Нормандского, Ришара де Фурниваля и многих других), не только отшлифовывали приемы воссоздания поэтическим словом окружающего мира зверей, но и усложняли многосмысленность символов, заключавшихся в образах животных. Утвержденные многовековой традицией «характеры» животных получали благодаря этой символике новое развитие. Поэтому латинский «Физиолог» и всевозможные стихотворные бестиарии на новых языках есть еще один подступ к «Роману о Лисе», но лишь в том смысле, что в этих своеобразных памятниках Средневековья отразился чуткий интерес к животному миру человека той эпохи, его наблюдательность, а также стремление разглядеть за фигурами льва, лисицы, волка и других зверей какие-то иные, не присущие им в реальной жизни качества. Если «смысл» животного в бестиарии непременно таинственен, а мораль басни, как правило, ясна и без заключительной сентенции, то в «Романе о Лисе», по крайней мере в ранних его «ветвях», нет ни скрытой символики бестиарного рассказа, ни самоочевидной басенной морали. Последняя присутствует в той или иной «ветви» не в большей степени, чем в обычном анекдоте или «случае из жизни», ненавязчиво неся в себе определенный житейский урок.

Здесь мы подходим к еще одному подступу к нашему «Роману», к тому, что Я. Гримм называл «животной сагой», а правильнее было бы называть историей, повествованием, сказкой о животных. Не приходится сомневаться, что такого рода произведения возникли на самых ранних этапах развития фольклора. Ведь образы животных, как справедливо отмечал М. Л. Гаспаров, «были хорошо знакомы народной фантазии еще со времен первобытного анимизма и

тотемизма, когда религиозное сознание переносило человеческие характеры и отношения на мир животных»[21]. Истоком «животных сказок» было, следовательно, первобытное мифопоэтическое мышление, но к моменту широкого распространения таких сказок и их известной нормализации от первобытных представлений остались лишь отдельные, плохо связанные между собой фрагменты. Нет нужды спорить о том, были ли носителями подобных сказок именно германские племена (а почему, скажем, не кельтские?), как полагал Я. Гримм. Доказать это, видимо, невозможно, хотя сторонники германского происхождения животного эпоса охотно прибегают к данным этимологии. Но и здесь их ждет неудача: у большинства персонажей «Романа о Лисе» романские имена. Исключением являются лишь имена основных протагонистов. Так, имя Лиса — Ренар — восходит, по-видимому, к германскому Raginhard (ragin — совет, hard — твердый), очень рано получившему распространение в латинизированной среде франков, дав несколько местных вариантов (Raynard, Reinard и т.п. — в Провансе, Reinhardt, Reinert — в Эльзасе и Лотарингии, Reinaert — во Фландрии и т.д.). Имя волка, Изенгрин, не получило столь широкого распространения; его германское происхождение несомненно и легко реконструируется: Ysengrin возводится к isen (твердый, стальной) и grim (шлем)[22]. Но это имя волка появилось в средневековой словесности довольно поздно. Его еще нет в латинской поэме неизвестного автора «Бегство узника», созданной в X или XI в. в прирейнских землях, важнейшем памятнике средневекового животного эпоса. Действительно, здесь впервые появляются два сюжетных мотива, которые лягут затем в основу всех последующих произведений на данную тему. К тому же мотивы эти тесно связаны между собой. Первый — это мотив непримиримой вражды волка и лиса, второй — истолкование причины их вражды (о ней мы скажем ниже).

По своей структуре поэма представляет собой типичную обрамленную повесть. Более того — в ней даже два обрамления. В первом автор поэмы, монах из монастыря Св. Эвре в Туле, вспоминает свои молодые годы, когда он, устав от однообразия монастырской жизни, решил бежать из монастыря. Этот свой поступок он сравнивает с поведением неразумного теленка, сбежавшего из родного хлева, заблудившегося в лесу и повстречавшего волка. Лесной хищник ,

порядком отощавший от голода, готовится полакомиться телятиной, но животные с фермы, призвав па помощь лиса, обкладывают со всех сторон волчье логово и спасают безрассудного беглеца. В повествование вставлен длинный рассказ волка о причине его вражды с лисом (этот рассказ занимает больше половины поэмы — 705 стихов из 1229). Когда-то, оказывается, дед волка оклеветал лиса перед королем-львом, но лису удалось оправдаться и жестоко отомстить клеветнику: он убедил заболевшего льва, что для выздоровления ему надо завернуться в волчью шкуру (сюжет, хорошо знакомый басенной традиции и воспроизведенный и X-й «ветви» французского романа). С той поры и берет начало взаимная ненависть двух лесных хищников.

Говоря о «Бегстве узника», нельзя не указать па одно важное обстоятельство, отличающее это произведение от «Романа о Лисе». В латинской поэме одиночкой, изгоем выглядит волк; у него почти нет друзей и помощников. В то же время лис оказывается предводителем домашних животных, упросивших его возглавить их войско. Следует заметить, что в басенной традиции подчас встречается мотив одинокого лесного хищника, но идея дружбы хитрого и прожорливого лиса с обитателями крестьянского двора явно отсутствует. Все становится на свои места в следующем латинском сочинении, непосредственном предшественнике «ветвей» Ньера-де Сен-Клу. Речь идет о большой поэме Ниварда Гентского «Изенгрим», завершенной около 1148 г. Нивард был по рождению немцем, учился во Франции, а затем обосновался в Нидерландах. М. Л. Гаспаров отмечал, что, живя в области, «где боролись французское и немецкое культурное влияние, Нивард был решительным приверженцем французской культуры: все положительные персонажи его животного эпоса имеют лоск французской куртуазности, а грубые волк и осел, напротив, именуются немцами. Живя в эпоху обостряющейся вражды между все более светской культурой епископств и все более аскетически-религиозной культурой монастырей, Нивард был решительным приверженцем первой, гуманистической тенденции: своего волка он изображает именно монахом и усиленно подчеркивает, что все монахи ему вполне под стать: грубые, глупые, жадные и прожорливые»[23].

В поэме Ниварда немало мотивов, встречающихся в басенной традиции, но большинство нигде не зафиксировано и, несомненно, восходит к устному сказочному фонду. Воздействие устных рассказов

о животных на поэму Ниварда было очень значительным. Но и иная — ученая — традиция не может быть исключена: в его поэме, как и в «Романе о Лисе», много конкурирующих и дополняющих друг друга компонентов, восходящих к очень разным, подчас предельно отстоящим друг от друга источникам. Этому не приходится удивляться. «Фольклор,— писал Е. М. Мелетинский,— полистадиален в том смысле, что каждая фольклорная песня, сказка и т.д. сохраняет различные исторические пласты, но эти пласты, включая сюда любые нововведения, интегрируются, суммируются в определенные стабильные структуры»[24]. Конечно, такая многослойность сглаживается под пером значительного поэта, но не исчезает полностью. В памятниках средневековой литературы, вырастающих из устной традиции и впитывающих многообразные влияния, их источники неизбежно обнаруживают себя, хотя не во всех случаях они лежат на поверхности и безусловны.

Разветвленную традицию рассказов о животных знала и литература Востока. Уже в первые века нашей эры в Индии сложилась па основе устных сказок, рассказов, преданий, притч замечательная книга «Панчатантра». Известны ее многочисленные изводы (кашмирский, южноиндийские, непальский и т.д.). Книга эта примыкает к широко распространенной в Индии литературе поучений и научных сочинений («шастра») и может служить (собственно, видимо, и служила) своеобразным руководством по «разумному поведению», соседствуя тем самым с научным трактатом («нигишастра»), по сохраняя структуру и стилистику художественного произведения. В житейских «примерах» «Панчатантры» действуют то люди, то животные. Последние наделены здесь «характерами», но они не связаны, как правило, с наблюдениями над повадками реальных животных, здесь могут фигурировать болтливая черепаха, умный заяц, простодушная лисица и т.д. Фиксированность таких «характеров», приложимость их к определенному животному произвольны. Но для нас важно само закрепление за животным конкретных качеств, которые становятся его постоянной характеристикой. С этим, как известно, мы сталкиваемся и в «Романе о Лисе». Но может ли это указывать па влияние одного произведения на другое?

Отдельные вставные истории «Панчатантры» напоминают некоторые мотивы «Романа о Лисе». Но, во-первых, эти совпадения

немногочисленны, а во-вторых, они слишком приблизительны, чтобы указывать на прямое заимствование. Поэтому между «Романом о Лисе» и книгами типа «Панчатантры» близость не генетическая, а типологическая. Но существенно и различие: в памятнике западноевропейской литературы нет столь старательно и прямо прочерченных назидательных задач, которые являются основой «Панчатантры», «Хитопадеши» и других произведений индийской литературы.

Между тем западное Средневековье было весьма богато на всевозможную дидактику. Недаром «Наставление клирику» Петра Альфонси, написанное на пороге XII в. на латыни, столь охотно переписывали да и переводили на живые языки. Огромной популярностью пользовалась и занесенная с Востока «Книга Синдбада», также преследовавшая назидательные цели. Имели широкое хождение арабский перевод «Панчатантры» ибн ал-Мукаффы («Калила и Димна»), сделанный в VIII в., и греческий — Симеона Сифа («Стефанит и Ихнилат»), относящийся к концу XI в. Что касается «Панчатантры», то она стала известна в Европе позже: между 1263 и 1278 гг. ее перевел на латынь Иоанн Капуанский (с древнееврейской версии «Калилы и Димны», принадлежащей рабби Иоэлю). Поэтому некоторые исследователи «Романа о Лисе»[25] не исключали возможности опосредствованного знакомства его авторов с «Панчатантрой», например, путем устного распространения отдельных ее сюжетов. Впрочем, полное отсутствие подкрепляющих подобное предположение фактов оставляет эту проблему открытой.

На Ближнем Востоке рядом с переводными появлялись и оригинальные сочинения о животных. Наиболее примечательной и самобытной была «Книга о животных» арабского писателя IX в. аль-Джахиза. В ее хаотической структуре научные сведения об окружающей человека фауне соседствуют с поэтическими отрывками и даже небольшими поэмами, рассказывающими о животных, и со связанными с ними бытовыми анекдотами и легендарными историями. Как пишет И. М. Филыптипский, «в общем потоке разнообразных занимательных сведений и цитат все время попадаются интересные рассуждения по вопросам социологии и естествознания, можно найти в книге в наивной форме зачатки теории эволюции видов, идею влияния климата па поведение животных, весьма разумные и даже

мудрые рассуждения на этические, психологические, религиозные и другие темы»[26]. Как видим, рассказы о животных довольно часто служат здесь поучительным целям.

Появление книги аль-Джахиза свидетельствовало о большой популярности повествований о животном мире в средневековой арабской литературе. Не приходится удивляться, что они вошли и в классический свод «Тысячи и одной ночи». Так, за обширнейшей «Повестью о царе Омаре Ибн-ан Нумане» (ночи 45—145) следует целая серия прозаических животных басен и притч — о гусыне и львенке, газеленке и паве, голубях и богомольце, водяной птице и черепахе, мыши и ласке, вороне и коте, блохе и мыши, вороне и лисице, воробье и павлине и т.д. Наиболее интересен для нас рассказ о лисице и волке (ночи 148—150). Оба персонажа этого рассказа обладают многими чертами, знакомыми нам по «Роману»: волк жесток, груб, жаден, но также глуп и доверчив. Лисица же противопоставляет его силе свою изворотливость и хитрость. Ей удается заманить волка в выкопанную виноградарями яму и натравить на него людей (которые его и убивают) — тем самым она рассчитывается с ним за былые притеснения и обиды, а также становится, по сути дела, хозяйкой вожделенного виноградника. Полагают[27], что вся эта серия рассказов о животных была внесена в сборник единым пластом и поэтому, видимо, принадлежит перу одного компилятора или редактора.

Сказки и рассказы о животных получили широкое распространение и в других регионах мировой литературы. Есть среди таких сказок и истории о хитром и ловком зверьке, одерживающем верх над более сильными и крупными противниками. Иногда таким животным оказывается заяц, в других случаях — черепаха, в третьих — паук и т.д.[28]. Все они кое в чем напоминают героя «Романа о Лисе». Видимо, в народном сознании закономерно возникает образ такого персонажа — смелого и хитроумного, благодаря этим качествам побеждающего других, заведомо более сильных. Нередко такой зверек бывает другом и помощником человека. Но последний мотив предполагает, конечно, не антропоморфное истолкование животного мира, а его самостоятельность по отношению к миру людей.

Если же не выходить за пределы Старого Света и за хронологические границы Средневековья, то допустимо наметить

следующие закономерности. Мы можем говорить о трех различных трактовках животных в фольклоре и литературе. В одном случае лис играет роль трикстера и наделяется целым комплексом снижающих признаков (он характеризуется изворотливостью, вороватостью, лживостью, хитростью, льстивостью, себялюбием и т.п.). При столкновении с человеком он может одержать над ним временную победу — обмануть, перехитрить и т.п., но в целом оказывается слабее. И показательно, что в столкновение с людьми приходят лишь звери «низших» рангов: мы не увидим в этой роли, например, льва. Но при этом звери на свой лад дублируют поведение людей. Понятно, что такой подход характерен для европейской культурной зоны. Совсем иначе — в Восточной Азии. В восточноазиатской традиции лис (лиса), восходя подчас к культурному герою, первопредку, обладает целым рядом магических свойств. Он оказывает человеку помощь или наказывает его, легко принимает человеческий образ и даже может вступать с человеком в брачные отношения. Это же относится и к ряду других животных. Мотивы эти очень сильны в китайском и японском фольклоре и были с особым литературным мастерством разработаны замечательным китайским писателем XVII в. Пу Суцлином, создавшим устойчивую традицию рассказов о «лисьих чарах». Очевидно, что здесь нет дублирования животными поведения людей; животные от человека отъединены, противопоставлены ему как существа из совсем иного, демонического мира, с иными возможностями и свойствами. Третий вариант мы находим в ближневосточном и центральноазиатском регионах. На первый взгляд трактовка животных не отличается здесь от той, с которой мы сталкивались в Европе. Но здесь нет противостояния мира животных и мира людей. Согласно широко распространенному на Востоке учению о метампсихозе, это не два мира, а один, но лишь в разных формах существования. Поэтому животное, напоминающее своим поведением человека, не является здесь комическим персонажем, как не является им и животное, чьи повадки не соответствуют поведению реального зверя. Такой подход к изображению животного мира отразился в «Панчатантре» и был кое в чем воспринят и на Ближнем Востоке, благодаря переводам этой книги на персидский и затем на арабский языки.

Вернемся, однако, к поэме Ниварда Гентского. От нее до «Романа о Лисе» был один шаг. Но он был очень значителен. Как показал Ж.

Бишон[29], в первой по времени создания «ветви» «Романа» перед читателем было уже совершенно новое произведение, хотя оказались переставленными лишь некоторые акценты. В центр повествования был теперь поставлен новый горой— лис Ренар. Волк Изенгрин продолжал играть очень существенную, но все-таки подчиненную роль. «Роман о Лисе» в совокупности своих «ветвей» стал историей жизни Лиса, а не волка, как было у Ниварда. Кроме того, в отличие от латинской поэмы, в «Романе» все приключения персонажей уже обусловливались не вторжением неких высших сил, не роком, не Фортуной (изображение которой, продиктованное идеей неотвратимости круговорота бытия, было столь любимо художниками Средних веков). Персонажи были теперь выведены в повседневной действительности и выступали уже в новом обличье: Нивард все-таки слишком интересовался жизнью монастыря, и действительность, в которой действуют его герои, сконструировал по монастырской модели, в романе же о Лисе перед читателем разворачивается жизнь вполне реального леса (пусть его обитатели и наделены условными характерами людей) и столь же реальных средневековых селения, города, замка (хотя их жители и не лишены звериных повадок).

По-старофранцузски лисица называлась goupil (от лат. vulpes). После появления «Романа о Лисе» имя его главного персонажа вытеснило прежнее наименование и стало обозначать лису. Появилось словечко renardie — козни, плутни (с резко отрицательным оттенком) и соответствующий ему глагол renarder. Но даже если бы этого не произошло, у нас есть немало свидетельств огромной популярности произведения. Оно сохранилось в десятках рукописей, имена большинства его персонажей, быстро став нарицательными, мелькают в произведениях других жанров. И, естественно, после сложения основного корпуса «Романа» стали возникать его продолжения, переделки и переводы, причем не только на французском языке, но вскоре и на немецком, фламандском, английском и др. Одна из фламандских поэм была, в свою очередь, переведена на немецкий, много раз перерабатывалась вплоть до изобретения книгопечатания, много раз издавалась и стала известна Гёте.

А. Д. Михайлов

Роман о *Л*исе

Первое издание «Романа о Лисе» было осуществлено в 1826 г. Д.-М. Меоном в четырех томах. Издание это не было строго научным и давало иное расположение «ветвей», чем было принято позже (Меон располагал «ветви» не в хронологии возникновения, а в «хронологии» описываемых в них событий).

Наиболее авторитетным считается издание Эрнеста Мартена, ничем еще не замененное; по нему сделан и настоящий перевод:

Le Roman de Renart, publié par E. Martin. Vol. 1—3. Strasbourg — Paris, 1882—1887.

Марио Рок подготовил издание так называемой рукописи «Канже» (Национальная библиотека, № 371); до настоящего времени вышло шесть томов (издание не завершено):

Le Roman de Renart, édité d'après le manuscrit de Cangé par M. Roques. Vol. 1-6. P., 1948-1963.

При подготовке нашего перевода были также использованы следующие неполные издания произведения:

Le Roman de Renard (Branches I—V, VIII, X, XV). Chronologie, préface, bibliographie, notes et lexique par J. Dufournet. P., 1970.

Le Roman de Renart. Edition bilingue. Traduction de M. de Combarieu du Grés et J. Subrenat, Vol. 1—2. P., 1981.

Цифры в примечаниях обозначают номера строк текста.

I

Эта «ветвь», самая популярная и обычно открывающая сводные рукописи «Романа о Ренаре», датируется 1179 г. (как и два ее продолжения).

Перро[1] на то талант и ум,
Чтоб был и Лис, и Лисов кум
Волк Изенгрин воспет, направил,
Но лучших сцен в стихи не вставил:
К примеру, как и чьи права
В палатах Властелина-льва
Рассматривал суровый суд,
Решая, сколь преступен блуд,
Свершенный Лисом над истицей,[9]
Грызентой[10] -дамою, волчицей.
Из первых строк узнаем мы,
Что всякий след исчез зимы,
Куст роз расцвел после морозов,
Стал куст боярышника розов
И Вознесенье[15] подошло,
Когда великое число
Зверей сир лев созвал к хоромам,
Чтоб пышным удивить приемом,
И для отказа ни один
Из них не смел искать причин.
Все едут, сроки упреждая,—
Все, кроме Лиса-негодяя:
Вора, мошенника, лгуна
Столь пред зверьми тяжка вина,
Что на преступника улики
Исчесть они спешат владыке,
И Изенгрин, не друг отнюдь
Плуту, выкладывает суть:
«Я, сир, на Лиса с челобитной!

Любодеянье с беззащитной
Моей Грызентой блудодей
В Малпертуи,[32] в норе своей,
Свершил: супругу в угол втиснул,
Снасильничал,[34] а после спрыснул,
Пописав, влагою волчат;
Его услады мне горчат.
Притом на днях внушал паскуда,
Что дело не дошло до блуда.
Но при внесении святых
Мощей — смешался и утих,
И, не заставив ждать с отбытьем,
Воспользовался вновь укрытьем.
Как тут не впасть в тоску и гнев!»
Король промолвил, погрустнев:
«Ах, Изенгрин, не надо шума.
Чего добьетесь вы, угрюмо
Припоминая свой позор?
Король иль граф, чей пышен двор,
Подвержены таким же бедам.
Ваш стыд сегодняшний нам ведом.
По сути же, ничтожен вред,
Скорбеть и гневаться не след.
Настолько случай незаметен,
Что повода не даст для сплетен».
— «Сир,— слово взял Бирюк[55] -медведь,
Не скажешь лучше! Что скорбеть!
В плен не был Изенгрин захвачен,
Не умер, просто одурачен.
Зря о возмездье он просил.
У Изенгрина хватит сил —
В том случае, коль Лис-проныра
Возобновить не склонен мира,
Который клятвой был храним
Доселе,— рассчитаться с ним.
Но вы — властитель всей страны!

Вассалам начинать войны
Не дав, явите власть свою им!
С кем вы воюете, воюем
Мы все, мы с вами, господин.
Ждет кары Лису Изенгрин —
Что ж, был бы приговор судебный
Здесь мерой истинно потребной.
Что должен, пусть вернет сосед,
Вам пеню уплатив за вред.
В Малпертуи за Лисом шлите
Меня. В его сюда визите
Я вижу благо: чем в норе,
Ему быть лучше при дворе».
— «Сеньор Бирюк,— быком Буйяном[79]
Он прерван,— разум ваш с изъяном,
Коль дал совет владыке он
Брать с Лиса пеню за урон,
И срам, и за блудодеянье
С кумою, что преступно крайне.
Кто учинил такую мерзость
И выказал такую дерзость,
Тем помощи не подают.
Зачем же Изенгрину суд,
Когда настолько дело явно,
И гнусно, и противоправно?
Нет, дудки! Окажись жена
Моя в руках потаскуна,
Кем вся изгажена страна,
И будь она осрамлена,
То хоть Малпертуи как крепость
И неприступен, я б свирепость
Такую проявил, дерясь,
Что стены все обрушил в грязь.
А вы оправились, Грызента,
С того несчастного момента,
Как Лис-наглец, исчадье зла,

Вас поднял на луку седла?»
— «Буйян,— раздался глас барсучий,
Унизить зло нам выпал случай,
Чтобы еще не возросло.
Поскольку возвышаем зло
И расширяем мы и множим,
Когда окоротить не можем.
Зря о насилье речь тут шла:
Не хвора дама, дверь цела,
А при согласье полюбовном
Нет места пеням суесловным.
Давно мила ему кума,
И бить челом не шла сама;
Но Изенгрин здесь, головой
Клянусь, ущерб увидел свой.
Не заниматься же баронам
И королю его уроном!
Вассалу нанесенный вред,
Когда он Лисом был задет,
Орешка, право же, но стоит,
И он легко ущерб покроет,
Когда прибудет Лис сюда
Ждать совершения суда.
Меж тем у нас есть аргументы
Для порицания Грызенты.
Как тонок выверт, как уклюж:
Сегодня на позор ваш муж
Представлен всем зверям-вассалам!
Он вправе шпиговать вас салом:
Им званы милой вы сестрой,
Но в вас недолжный был настрой.
Он верил вам, забыв опаску».
Грызенту стыд вгоняет в краску,
На нем повыщипала б мех,
Но говорит, вздохнув, для всех:
«Зря, сир Гринбер,[137] меня настырно

Корили вы. Чтоб жили мирно,
Хотелось мне, мой господин
И Лис. То был не мой почин
И стиль не мой: в скандал не влезу,
Пусть кто к воде бы иль к железу
Прибег, нагрев их на огне.
Лишь оправданьем служит мне,
Больной, усталой и тщедушной,
Мой нрав доверчиво-послушный.
Святыми, коих церковь славит,
Клянусь: пусть бог меня оставит,
Коль Лис хоть раз посмел обнять
Меня не как родную мать.
Я вовсе к Лису не мирволю,
Его не облегчаю долю,
Интересуясь тем, что с ним,
Кем он хвалим и кем хулим,—
Как вы — репейником ослиным.
Удручена я Изенгрином:
Винит ревнивец всех подряд
За то, что якобы рогат.
Десятой — брака годовщина
(По возрасту Пинкара[160] -сына
Сужу) на Пасху уж была,
В апреле, первого числа.
Гостей сошлось на свадьбу много:
Дупло, и норка, и берлога —
Все было занято зверями,
Сидели чуть не в каждой яме,
И, сколько видел глаз окрест,
Пустых не попадалось мест.
Ему женой я стала верной,
Не прибегала к плутне скверной,
И скотская претит мне гнусь.
Однако — к теме все ж вернусь.
Поверьте все, кто хочет верить,—

Я не умею лицемерить.
Клянусь святой Марией, слух
Преподал, что я из потаскух:
Свершать грехи или промашки
Мне так же трудно, как монашке».

Грызента, кончив этак речь,
Смогла иных к себе привлечь.
Осёл Бернар[181] стал сердцем весел,
Когда все за и против взвесил,
Решив, что следует навряд
Считать, что Изенгрин рогат:
«Ах, баронесса, поучиться
У вас могла б моя ослица!
Волкам и псам и всем скотам
Иметь бы жен, подобных вам!
Господь меня обыди карой
И нежного вкусить мне даруй
На пастбище моем репья:
Ведь если верно понял я,
Тем, любит ли вас Лис и манит
Куда, ваш разум не был занят.
Но мир, клонящийся ко злу,
Смрад источает и хулу:
Судя о том, чего не видит,
Он, где бы похвалить, обидит.
Лис, повредившийся рассудком,—
Мы вправе счесть тебя ублюдком,
Тем, кто в недобрый час зачат,
Коль будешь в мир вносить разлад!
Любого весть об этой случке
С Грызентой — довела б до ручки:
В ней жил невинный интерес,
Ведь до того он к ней не лез.
Высокородный славный сир,
Велите заключить им мир

И тем явите Лису милость!
Мне ж поручите, ваша милость,
Как Изенгрин ни виновать
Его, в обиду не давать:
Пускай такою пеня будет,
К какой ваш двор его присудит.
Но если дерзко он готов
Промешкать и презреть ваш зов,
И двор впустую время тратит,
Вина на нем и пусть он платит».

Собранье молвит: «Будь в обиде
На вас, о сир, святой Эгидий[220] ,
Коль вызван Лис сюда сегодня
Иль завтра (как вам то угодней)
Не будет: если ж не придет,
То послезавтрашний привод
Злодея будет пусть насильным,
А угощенье столь обильным,
Чтоб долго помнил он прием».
Рек Властелин: «Вина на том,
Кто хочет суд вершить со злостью:
Не подавитесь этой костью,
Спесь, возвышающая вас
Над ним, ужалит вас же в глаз.
Я униженье Лиса вижу
И оттого не ненавижу.
Исправиться он захоти,
Вновь будет у меня в чести.
Жену простите, коль всего
Тут, Изенгрин, лишь озорство,
И разведитесь, коль соитье.
Я бы простил».— «Сир, погодите
Тот глуп, кто верит, что жена
Моя искусна и умна,
Коль так, шутница, озорует.

Кто враг мне — ныне торжествует.
Из каждой дырки вслед кричат:
„Вот, и ревнив он, и рогат!“
Но если я по приговору
Подвергнут должен быть позору,
Отмщен позор пусть будет мной:
Пойду на Лиса я войной
Еще до сбора винограда,
И не спасет его ограда,
Запор, и лаз, и крепкий форт».
Король воскликнул: «Что за черт!
Сир Изенгрин, как вас, задиру,
Склонить нам повернее к миру?
Хотите выиграть войну,
Сразить его, держать в плену?
Святой мне Леонард[259] свидетель —
Лис наметает столько петель,
Что вы позор скорей, чем он,
Потерпите, как и урон.
К тому ж на мир дана присяга
Зверями — всей стране на благо.
Готовый ею пренебречь
Ждет на себя беду навлечь».

Столь Изенгрин миролюбивым
Владычным огорчен призывом,
Что как тут быть и кончить чем,
Не понимает он совсем:
Меж двух скамей на землю сел,
Хвост свесив между ног. Но дел
Весь ход вдруг повернул к удаче
Господь вмешался, не иначе:
Вот-вот король, как ни сердит
Истец, указ свой утвердит,
И будет заключен чин-чином
Меж Лисом мир и Изенгрином,

Но Шантеклер с Пестрой[279] двором
Вдруг узрен; едут впятером
На Лиса жалиться: владыка,
Вот греческий огонь, туши-ка!
Петух, то бишь сир Шантеклер,
Пестра, чьи яйца всем пример,
Розет, Чернава и Беляна
Спешат, теснясь вокруг рыдвана,
Который пологом укрыт,
Под коим курица лежит,
Недвижная, поверх подстилки,
На похоронные носилки
Наброшенной. А это Лис
Не то чтобы ее загрыз,
А взял на зуб да вырвал ляжку,
Да крылышка лишил бедняжку.

Судом владыка вот как сыт,
Уж больно жалобщиков вид
Докучлив: курицы трепещут,
Ладони Шантеклера плещут;
Но вот Пестра и с нею вся
Родия воззвала, голося:
«О псы и волки и все звери,
Боль разделить моей потери
Молю я, ради бога, вас!
Мне тошен каждый лишний час
Прожитый, смерть же не страшит:
Пусть жизни Лис меня лишит!
Пять братьев мне отец оставил —
О, боль утраты! Всех отправил
В утробу Лис, бесстыжий вор!
Мать подарила пять сестер:
Девицы, чистые натуры,
Прелестнейшие, словом, куры.
Гребенем-с-Ясеня[313] они

Покрыты были в оны дни:
Что яйца понесут, он чаял,
Но зря — одну лишь не замаял
Немедля Лис, а большинство
Вмиг скрылось в пасти у него.
И вот, лежит во гробе тело,
Что было нежно и дебело.
Сестра, зачем свою сестру
Вы бросили одну в миру,
Где ей не встретиться уж с вами?
О Лис, будь ввергнут в злое пламя!
Как много раз душил ты нас,
Подстерегал, калечил, тряс,
И в клочья наши рвал наряды,
И гнал до самой до ограды.
Вчера под дверь мне поутру
Лис бросил мертвую сестру
И ускакал в долину. Кони
Гребеня были все в разгоне,
А как догонишь, если пеш!
Я с жалобой пришла, но где ж
Тут справедливость! Он недаром
Вас не боится, если карам
И гневу два листка цена[337] ».
Едва договорив, она,
И с ней и вся родня, в припадке
Упала посреди площадки.
Чтоб оживить четверку дам,
Встать со скамей волкам и псам,
И всем зверям пришлось на время
И им водой обрызгать темя.

Очнувшись, к королю тотчас
(Как повествует наш рассказ),
Шаги направив, горемыки
Спешат упасть у ног владыки,

И Шантеклер, простершись в прах,
Омыл стопы его в слезах.
Пленен владыка Шантеклером:
Хоть юн, но рыцарь по манерам.
Тот испустив тяжелый вздох,
Что вызывал переполох
Всегда, он голову подъемлет.
Кто вздоху льва иль реву внемлет
Будь то медведь или кабан—
Трепещет, страхом обуян.
А заяц Трус[359] по двое суток
В горячке, так он к звукам чуток.
Трясет и всех придворных сплошь,
И самых смельчаков бьет дрожь.
Но вот и хвост уж поднят грозно:
Решив, что дело столь серьезно,
Что тронет каждую семью,
Владыка начал речь свою:
«Пестра, даю вам, дама, слово,
Свидетель мне душа отцова,
Что так бы днесь без добрых дел
И жил, когда б не захотел
Вред, нанесенный вам, исправить,
Волю я Лиса к нам доставить,
Чтоб ваши видели глаза
И уши вняли, сколь гроза
Возмездья нашего ужасна.
Судить я стану беспристрастно
Дела разбоя и убийств».

Немедля после сих витийств
Поднявшись, Изенгрин взял слово:
«Решенье ваше образцово.
Сир, я хвалы не подберу
Тому, что вы и за Пестру
Отмстите, и за даму Крапу,

Которой Лис оттяпал лапу.
Я это говорю не в злобе,
Но из сочувствия к особе
Усопшей я бы сделал так,
Чтоб был наказан Лис, мой враг»,
Вновь император рек: «Друзья,
Премного сердцем скорбен я.
Не первые пришли посланцы
Ко мне: и вы, и чужестранцы
Здесь жалуетесь то на блуд
И униженье, то на студ,
Которому подвергнут я им,
То мы обрубки лап считаем.
Но дальше речь о том вести ль?
Бирюк, вот вам епитрахиль,[398]
Чтоб дать душе проститься с телом.
Буйян, а вашим будет делом,
Спустившись меж холмами в падь,
Могилу начинать копать».
— «О сир, будь так, как вы решили»,
Сказал Бирюк. В епитрахили
Он делает собранью знак,
По коему король и всяк
Из присных, кто в каком был виде,
Враз приступают к панихиде.
Сеньор Медлив[409] -слизняк весьма
Исправно три прочел псалма,
Рванель[411a] стихиры[411b] спел под пенье
Брехмерово[412] , то бишь оленье.

Чин панихидный был отпет,
Когда приблизился рассвет:
Труп, к погребению готовый,
Несут, в сосуд вложив свинцовый,
Всех изумлявший, столь красив
Он был. Под деревом зарыв

И мрамор возложив на яму
(Написано, как звали даму,
На нем, и сколько было лет),
Все шлют прощальный ей привет.
И эпитафию ваяло
Немедля чье-то начертало:
«Лежит под древом на горе
Та Крапа, что сестра Пестре:
Лис, отягчась грехом сугубым,
Ее убил, поддевши зубом».
Над нею слезы так лила
Пестра и Лиса так кляла,
Так Шантеклер, стоявший еле,
Был слаб, что очень их жалели.

Но понемногу плач утих,
И отступила скорбь от них:
«О император! — молвит свита.—
Мы наказать должны бандита
За то, что шкодил, куроцап,
И множество отгрыз нам лап».
Владыка отвечал: «Еще бы!
Бирюк, бояться сей особы
Вам нет причин, любезный брат.
Даю три дня, чтоб с ним назад
Прийти: не будет суд отсрочен».
Бирюк в ответ: «Я-буду точен».
Спустившись с косогора в дол,
На рысь он тотчас перешел
И, знай, трусит, не отдыхая.
Когда он отбыл, вот какая
Нечаянность произошла,
Ухудшив Лисовы дела.
Мессира Труса лихорадке
(Которой, помните, припадки
Два длились дня) пришел конец

Внезапно — милостив творец! —
У дамы Крапы на могиле:
Припав, когда ее зарыли,
К гробнице, здравым встал от сна.
Что мученица впрямь она,
Дошли до Изенгрина слухи:
Стал жаловаться, тотчас в ухо
Болезнь какую-то нашед.
Лечь у могилы дал совет
Рванель, и, вдохновленный словом
Его, он лег — и встал здоровым.
Но вера их была не та,
Что несомненна и чиста,
И хоть Рванель свидетель, все ж
Двор рассудил, что это ложь.
При этом счел иной придворный
И доброй новость, и невздорной.
Но счел дурной ее Гринбер,
В защиту Лиса массу мер
Принявший[473] в тяжбе их с Тибером.

А Лис, к каким прибегли мерам
Теперь, не зная, обречен:
Бирюк ужо под сенью крои,
Малпертуи укрывших, рысью
Трусит по тропке в крепость лисью,
Но вход медвежьей туши уже:
Так что остался он снаружи,
Уставившись на барбакан.[481]
А Лис, чье ремесло — обман,
Пойдя в момент его прибытья
Вздремнуть, забрался в глубь укрытья,
В норе была припасена
Им курица, весьма тучна,
Поскольку завтрак был не тяжек,
Всего из двух цыплячьих ляжек,

Проводит в неге он досуг.
У стен меж тем стоит Бирюк.
«Откликнитесь! — несутся крики.—
Лис, я Бирюк, посол владыки!
Идемте в поле: передам
Приказ вам королевский там».
Лис сразу опознал медведя
По очертаньям и, в беседе
Поддеть, как следует, его
Задумав, начал таково:
«Бирюк, вы ль это, друг любезный?
Затеей было бесполезной
Вас заставлять сюда идти.
Я сам ведь шел уже почти:
Мне лишь изысканной, французской
Полакомиться бы закуской.
Но коль двором устроен пир,
Вельможа просьбой: „Руки, сир,
Омойте!“ — там бывает встречен.
Привечен тот, кто обеспечен.
Быка под соусом внесут
Сперва, и вдоволь прочих блюд:
На всех сеньоров хватит пищи.
Напротив, тех к столу, кто нищи,
Чья жизнь — ни к черту, кус дерьма,
Не приглашают, ни в дома.
Хоть прижимают ближе к лону
Еду и держат оборону,
Псы успевают хлеб стянуть.
Питье раз в день, и то чуть-чуть.
Не получить им ниоткуда
Второй раз ни питья, ни блюда.
Костей, сухих, как уголь, где б
У слуг поклянчить, смотрят. Хлеб
Зажат у каждого в ладони.
У сенешалей[524] быть в загоне

Привыкли и у поваров.
Иной сеньор дает им кров,
Чтоб в низких помогли затеях,—
Сгори они и вихрь развей их!
Хлеб для него крадут, есть слух,
И мясо, чтоб кормил он шлюх.
Дабы избечь судьбы плачевной,
Я съел за трапезой полдневной
Немного сальца и горох,
Притом что завтрак был неплох:
Мед, купленный за семь денье,
Из свежих сот, был вкусен мне».
— «Христе,— тот молвит,— сыне божий!
Святый Эгидие, его же
Чтём тело! Есть ли этот мед
Еще? Не может мой живот
Ни в чем такой, как в меде, сыти
Найти и смака. Сир, ведите
Меня, и помогай мне бог!»
Не фыркнуть Лис в ответ не мог —
Уж слишком тот легко обманут,—
И пояс, коим дурень стянут,
Он незаметно окропил,
Сказав: «Когда б уверен был,
Что в вас союзника, коль туго
Придется мне, найду и друга,
Клянусь Ровелем[551] -сыном, мед
Я б выжал вам из свежих сот
И, чтоб набит был до отказу
Живот, вас проводил бы сразу
В лес Ланфруа[555] -лесовика.
Но надо ль? Думаю, пока
Не стоит. Окажу как другу
Я, потрудившись, вам услугу,
А вы мне сделаете зло».
— «Сир Лис, что с вами? Иль пришло

К разрыву наше вдруг знакомство?»
— «Да».— «В чем причина?» — «Вероломство,
Желанье нанести удар
Предательский».— «Во власти чар
Вы, Лис, коль на меня сердиты»,
— «Ну ладно, мы отныне квиты
На вас я злобу не сорву».
— «Почтенье к Властелину-льву
Питая, я дурным порывам
Столь чужд, что, будь вы справедливым,
Сочли б немыслимей всего
Во мне обман и плутовство».
— «Довольно, верю вам вполне,
Лишь будьте впредь добры ко мне».
И в путь пустились в одночасье
Лис с Бирюком уже в согласье.
Легка дорога, цель близка:
В лес Ланфруа-лесовика
Скакали, отпустив поводья,
И спешились, прибыв. Угодья
Все Ланфруа меж тем на скуп
Решил отдать и, первый дуб
Начав валить, над комлем дуба
Под клинья сделал два надруба.
«Бирюк,— промолвил Лис,— родной,
Вот и обещанное мной.
Там улей, загляни в колоду.
Час трапезы, вкусим же меду.
Сейчас полакомишься всласть».
Медведь в дупло сначала пасть
Сует, потом за лапой лапу.
Толкает снизу Лис растяпу,
Чтоб побыстрее лез, и вбок
Сам от греха подальше скок.
Кричит: «Раскрой пошире глотку!
Ждал посластить медком бородку,
Сын потаскухи,— рот открой!»

Ну, плут! ну, розыгрыш презлой!
И сколь наказан тот судьбиной,
Кто капли меда ни единой
Не выпьет, не оближет сот!
Бирюк сидит, разинув рот,
А Лис, чтоб завершить бесчинье,
С трудом, но вышибает клинья.
Когда же выбил, то не мог
Бирюк извлечь башку и бок,
Застряли в сердцевине дуба:
Сиди, хоть любо, хоть нелюбо,
Коль западнею защемлен.
А Лис, но каясь (ибо он
Не думает об исправленье),
Стал в безопасном отдаленье.
«Бирюк,— он молвит,— эку прыть
Вы проявили, чтоб схитрить,
Дабы не пробовал я меду.
Но знаю, как мне быть, коль шкоду
Вам повторить на ум взбредет.
Подлец вы, если этот мед
Не выкупите щедрой платой.
Уж то-то были б провожатый
Вы мне, уж то-то мне была б
От вас защита, будь я слаб,—
Оставили бы груш мне вялых».
На этом разговор прервал их
Сам Ланфруа, сир лесовик,
И в чащу Лис умчался вмиг.
А тот глядит: медведь распялен
На дубе, им который свален
Быть должен,— и в село бегом.
«Ату! — кричит.— Медведь! Возьмем
Руками голыми его мы!»
Селяне в рощу, им ведомы,
Пустились. На медведя шел

Кто взяв топор, кто цеп, кто кол,
Кто жердь в шипах. Спиной их взмахи
Предощущая, ждет он в страхе,
Трясется, слыша грозный шум.

Но тут приходит мысль на ум,
Что лучше уж лишиться пасти,
Чем быть у Ланфруа во власти,
Чей поднят выше всех топор.
Тянул и дергал, лез и пер
(Мех содран, рвутся сухожилья)
Так яро он, что от усилья
Вся шкура в клочья, перелом
В затылке, кровь бежит ручьем,
На лапах и башке нет колеи,—
Страшней никто не видел рожи.
Весь окровавлен; морду снес
Вчистую; череп безволос
Настолько, что на сумку годен.
Но сын медведицын свободен
В конце концов: ведет тропа
В глубь леса. Вслед вопит толпа[654]
Селян: Бормот, сын сира Жилы;
Храбьер из рода Копитвилы;
И сам Гребень, и сын Каплун;
Хулейн де Кречет, тот, что юн;
Одран из черни де л’Угла,
Что удушил жену со зла;
За ним Тягун, печник села,
Супругой чьей Карга была;
Умор из рода Сбитыкосы
С Труслином, отпрыском Раскосы;
И сын Обжоры де ля Пляс,
Что топором все время тряс;
И сир Губер де Грузноват,
И с ним Косарь де Голопят.

Медведь же мечется, как спьяна.
Отец Мартин из Орлеана,
Священник приходской, в лесочек
Привезший слить навоз из бочек,
Успел ударить лишь разочек
Его, но точно между почек,
Едва на месте не убив:
Он оглушен и еле жив.
В столярном и фонарном деле
Толк знавший — притаился в щели
Меж двух дубов и бычий рог
Ему всадил по комель в бок.
Дубьем селян избит-изломан
Так сильно, что с большим трудом он
Удрал и с множеством потерь.
Ну, встреться Лис ему теперь,
Уж он в капкан его загонит.
Но, слыша, как он скорбно стонет,
Направил Лис стопы свои
Вновь к крепости Малпертуи,
Чьим стенам не страшны подкопы,
Ни штурм. Вдруг с Бирюком их тропы
Сошлись. Две шутки Лис припас,
Кричит: «Гляжу, дела у вас
Шли с медом Ланфруа не гладко -
Без друга лакомство не сладко?
На вид же вы — как еретик.
Ну, ждите бед: последний миг
Едва ли будет ваш ободрен
Священником. Каков же орден,
Что капюшон на вас столь ал?»
В ответ ни слова не сказал
Медведь, сломили так беднягу
Несчастья, но прибавил шагу:
Не получить бы новых ран
От Ланфруа и всех селян.

Коня пришпорив для разгона,
Он в час полуденного звона
Туда влетел во весь опор,
Где лев держал свой пышный двор,
На паперть грохнулся бессильно:
Кровь по лицу бежит обильно,
К тому же и безухий он,
Чем двор немало удивлен.
«Кто это сделал? — рек владыка.—
Бирюк, кто вас постриг так дико,
Что чуть не снята голова?»
Медведь лишь бормотать едва
Способен, от потери крови.
«Король,— он молвил в кратком слове,—
То, что угодно видеть вам,—
Все Лис!» — и пал к его ногам.

Кто б видел, как с громовым рыком
Лев шкуру в гневе рвал великом
И клялся смертью и душой:
«Вред нанесен тебе большой.
Прочь милосердье! Пусть о мести
Моей узнают в каждом месте!
Душой клянусь и кровью ран,
Всей Франции мной будет дан
Урок! Эй, кот Тибер! Вы к плуту
Отправитесь сию минуту.
Прийти велите рыжей твари:
Подвергну справедливой каре
Его в присутствии двора.
Пусть не несет ни серебра,
Ни злата: нет такой уловки,
Спасла чтоб шею от веревки».
Кот отказаться не дерзнул:
Когда б и мог, не увильнул —
В конечном счете не его ли

То долг? Идет по доброй воле
Священник, нечего тянуть!
Меж ручейками вьется путь
Лужком. Вот влево повернула
Тропа. Тибер пришпорил мула
И вскоре встал у врат с мольбой,
Чтоб бог и Леонард святой,
Защитник ввергнутых в оковы,
По зову были бы готовы
От Лисовых избавить рук
Его, ибо какой ни друг,
Подлей и злей не знал он зверя,
Да и живет, в творца не веря.
Уже у двери вкривь и вкось
Пошли дела: все началось
С того, что, остановлен трелью
Дрозда-попутчика меж елью
И ясенем, он поднял крик:
«Правей, правей!» Тот влево — прыг.
Задумался, что значит это,
Тибер: недобрая примета
Его смущает и страшит.
Он знает, что его ждет стыд
И скорбь и тяжкая истома.
Топчась из страха возле дома,
Чтоб гнева Лиса не навлечь,
он издали заводит речь
(Без шансов ход предвидеть встречный)
«Лис,— говорит он,— друг сердечный.
Ответствуйте: вы у себя?»
И Лис ответствует, шипя
Сквозь зубы, чтобы он не слышал:
«Себе на горе в путь ты вышел
И в том, где я пасусь, краю
Явился на беду свою!
Есть для тебя головоломка

У нас». И восклицает громко:
«Тибер, благословен еси!
Из Рима вас ведут стези
Иль от Иакова святого[779] —
Неважно: к встрече все готово,
Вас ждут, как Троицына дня[781] ».
Гроша не стоит болтовня,
Но как, пройдоха, мягко стелет.
Тибер в ответ свое, знай, мелет:
«Лис, вам владычный гнев грозит.
Я пас: не значит мой визит,
Что я вас ненавижу люто,—
За вас владыка взялся круто.
Двор против вас: принятья мер
Все ждут. Лишь ваш кузен Гринбер,
Пожалуй, гнев их не разделит».
Лис же на это вот что мелет:
«Тибер, что нам до их угроз!
Пусть точат зубы: на допрос
Явлюсь. Живу я как умею.
Разоблачив при всех затею
Врагов моих, сражу задир».
— «Как это мудро, славный сир!
Я вас хвалю, я вас люблю.
Но адский голод я терплю:
Ворону б слопал, а уж блюду
Из курицы как рад я буду!
Короче, есть ли здесь еда?»
— «Приносит много мне вреда
И неудобств,— ответ был Лиса,—
То мышка тучная, то крыса.
Таких вы не едите блюд?»
— «Ем, ем».— «Ловить их — тяжкий труд»,
— «Мое призвание — охота».
— «Тогда съедите их без счета,
Когда приблизится рассвет.

Я впереди пойду, вы вслед».

Покинул Лис нору. Не видит,
К нему пристроясь, кот, что выйдет
Тут плутня иль другое зло.
Таясь, идут они в село,
Откуда то петух, то кура
На кухню Лиса-бедокура
Вносились часто. «Прямо в дом
К священнику, Тибер, пойдем,—
Лис по дороге точит лясы.—
Я знаю все его припасы:
Что взять пшеницу, что овес —
Полно, хоть мыший род нанес
Ущерб им, добрых полмюида[825]
Сожрав,— сам видел, вот обида.
На днях случилось мне нести
Оттуда кур: из десяти
Пяток сегодня мною слопан,
Пяток же на потом закопан.
Влезай смелее, вот он вход,
И набивай себе живот!»
Плут, так ли, этак ли, обманет:
Амбар священника не занят
Был ни овсом, ни ячменем,
Труды мирские — не по нем.

(Кот попадает в западню. Лев отпускает Лиса в покаянное паломничество, но тот обманывает владыку. Звери отправляются в поход на Малпертуи.)

Ia

Вот император Властелин
Уже близ крепостных куртин,
Где скрылся Лис: что крепки тыны,
Валы, бойницы, равелины,[1624]
Донжон[1625] для арбалетных стрел
Недостижим, он разглядел.
Все стены толсты, круты, гладки,
Все бастионы прочной кладки,
И там, где вглубь ведет нора,
Торчат зубцы поверх бугра. *1630*
Внизу зияет ров огромный,
Оттянут цепью мост подъемный.
Сам замок на скале надежно
Укрыт. Приблизившись сколь можно,
Владыка слез с коня у врат.
Бароны спешиться спешат
И, в боевом обстав порядке
Всю крепость, ставят там палатки.
Умело лагерь их разбит:
Чай, это Лиса устрашит. *1640*
Но он готов к осаде всякой,
Не напугать его атакой,
И коль не голод иль обман,
Вовек не будет замок сдан.

Враг Лису сильному не страшен.
Он всходит на одну из башен
И, Изенгрина усмотрев
С Грызентой, ставших меж дерев,
Кричит им что есть мочи с вышки:
«Сир куманек, ну как делишки? *1650*
Как вам мой замок? Где найдешь
Другой, чтоб так же был хорош?

Вам, госпожа Грызента, рад
Всегда давить я виноград:
А что рогач, пастух ваш, воет,
Ревнуя,— нас не беспокоит.
И вас, сир кот Тибер, на пушку
Я взял, легко загнав в ловушку,
И продержал в тюрьме, пока
Не выдал полностью пайка: *1660*
Сто палок дали вам, бедняге,
И лишь тогда — глоточек влаги,
А вас, мессир Бирюк-медведь,
Заставил впрямь я попыхтеть,
Когда вы возжелали меда,
Меж тем как вас ждала невзгода
И вы ушей лишились здесь,
Чему народ дивился весь.
Сеньор мой Шантеклер, в охотку,
Когда я вас схватил за глотку, *1670*
Тянули славный вы мотив —
И ускользнули, лишь схитрив.
Вам, дон[1673] Брехмер-олень, насилье
На пользу: впившись в сухожилье,
Хвалой вас хитрой я отвлек,
И в три ремня длиною клок
С хребта у вас снесли собаки;
Здесь все свидетели той драки.
Плешак, сеньор крысиный, ловко
Моя сдавила крысоловка *1680*
Вам грудь, когда, беря на зуб,
Искали лучшую средь круп.
Мессир Тьеслин, небось, угас,
Клянусь святым Мартином,[1684] в вас
Весь интерес к моей затравке:
Лишились бы последней ставки,
Не дай я вам убраться с миром,[1687]
Когда, оставшись с вашим сыром,

Тотчас пустил его в еду,
В чем острую имел нужду.
А помните, Руссо-бельчонок,
Как выбивались из силенок,
Хотя пришлось всего-то мне
Дать клятву, что конец войне,
Чтоб вы немедля слезли с дуба:
А я уж, в хвост вонзив вам зубы,
Своей не упустил цены,
И были очень вы грустны.
Что долгим всех томить разбором!
Хоть каждый здесь покрыт позором,
Не стану подводить итог,
Покуда месяц не истек:
Вчера вот перстень, знайте все вы,
Мне прислан был от королевы.
Равняться б стал, пока жив Лис,
С ним тот лишь, кто не видел близ»,
— «Ах, Лис мой, Лис,— промолвил лев.
Гордитесь, укрепить сумев
Свой дом, но брешь найдет в защите
Осада; крепость вы сдадите.
Клянусь, что вам не дам житья
И не уйду, пока жив я.
В грозу и в дождь до смерти самой
Осадой вас томить упрямой
Готов, ваш замок одолею
И в нем повешу вас за шею».
— «Ах, сир мой,— Лис ему в ответ.-
Лишь трус таких боится бед:
Запас питанья здесь изрядный,
Я жизни выдержу осадной
Лет семь, покуда замок сдам,—
Накладно это будет вам.
И куры мной, и каплуны,
Да и бычки припасены,

Яиц довольно и сыров,
Овечек тучных и коров.
И в замке — что весьма удачно —
Бьет ключ: вода его прозрачна.
И вот что знать вам хорошо б:
Лей дождь, дуй ветер, хлынь потоп,
Стен толща исключает риск,
Сюда не попадет и брызг.
Короче, нет таких осад,
Был коими бы замок взят.
Располагайтесь. Я беседу,
Устав, кончаю и к обеду
Иду с женой, что всем любезна.
А вы поститесь, вам полезно».

На сих словах он с башни слез
И в зале, юркнув в щель, исчез.
Ночь спало населенье стана
И поднялось назавтра рано.
Король баронов подозвал:
«На приступ я даю сигнал,
И мы, умело нападая,
Из замка выбьем негодяя».
Тут поднялся ужасный шум,
И войско ринулось на штурм.
Был приступ тот необычаен,
Невидан, небывал, отчаян:
С утра до наступленья мрака
Шла непрерывная атака,
Лишь тьма остановила их,
Все разошлись, и стан затих.
Назавтра вновь после еды
Взялись за ратные труды,
Но в результате всех усилий
Один лишь камень отвалили.
Полгода длится суматоха,

А Лису вред — как от гороха:
Хоть не было ни часу в дне,
Когда б не шли войска к стене,
Но замку был от их попыток
Всего лишь на денье[1764] убыток.

Раз вечером, себя измучив
И штурмом тягостным наскучив,
Укрылась по квартирам рать,
Чтоб в безопасности поспать.
Рассерженная королева,
На короля исполнясь гнева,
Поодаль от него легла.
А Лис в ту пору на дела
Из замка выбрался втихую.
Картину видит он такую,
Осину обежав и клен,
И дуб, и ясень: всюду сон —
И заплетать давай под храп
Все множество хвостов и лап,
Чтоб каждый был к стволу привязан.
Придумщик дьявольских проказ он!
Примотан сам король за хвост —
И узелок весьма не прост!
После чего он к королеве,
Лежащей на спине при древе,
Под бок ложится, но она
Не пробудилась ото сна,
Решив, что это муж хлопочет,
Поскольку так мириться хочет.
А дальше вот что: все же пыл
Ее, о ужас, разбудил,
И, Лиса опознав, в великом
Смятенье разразилась криком
Она, а уж заря, взошед,
На мир струила яркий свет.

И столь был крик ее истошен,
Что вмиг стал лагерь суматошен:
Все, увидав, как в кураже
Лис рыжий лез к их госпоже
И с нею учинил потеху,
Возмущены, им не до смеху.
«Вставайте! — все кричат.— Подъем!
Покончим с дерзким наглецом!»

Сир Властелин, во весь свой рост
Поднявшись, тянет, крутит хвост:
Ни с места — рвется от укрута
И растянулся на полфута.
Другие, тужась, от надсада
Чуть тоже не лишились зада.
Улитка же, Медлив-слизняк,
Носящий королевский стяг,
Был в спешке Лисом не опутан,
Бежит освободить от пут он
Других, выхватывает меч,
Чтоб поскорей узлы рассечь,
Но сгоряча хвосты и лапы
Так рубит, что кругом культяпы:
Разорван узел за узлом,
Но каждый иль бесхвост, иль хром,
Под вой и яростные клики,
Как могут, все спешат к владыке.
Лис, приближение врагов
Заметив, был бежать готов,
Уже нырнул в дыру в ограде,
Но дон Медливом схвачен сзади:
Поймав одну из лап, держал
Злодея доблестный вассал.
Тут стал король весьма проворен,
И тотчас каждый конь пришпорен,
И, Лиса пленного вручив

Владыке, счастлив дон Медлив.
Взят в окруженье он геройски,
Восторг и ликованье в войске:
В конце концов пленен в бою
Сам Лис, на радость всем в краю.
Ведут, теперь петли не минет,
Ведь выкуп королем не принят.
«Сир,— Изенгрин стал королю
Внушать,— доверьте мне, молю.
Всю Францию встряхнет от вести
О мною выполненной мести».
Король не отлагает казнь,
Тем общую снискав приязнь.
И, Лису завязать веля
Глаза, по праву короля
Он обвинительное слово
Изрек: «У палачей готово
Все, Лис, чтоб счет обид и бед,
Содеянных за много лет,
Подбить, плюс ласки королеве,
Лежавшей на спине при древе.
Хотели осрамить, небось,
А? Хорошо — не удалось!
Но хватит, недурна концовка:
Вам шею захлестнет веревка».

Тут Изенгрин что было сил
За холку Лиса ухватил
И кулаком его так стукнул,
Что лисий зад прегромко пукпул.
Бирюк, держа в когтях затылок,
Прогрыз икру аж до прожилок.
Рванель, не выпуская глотки,
К тройной прибегнул обмолотке.
А кот Тибер в охапку сгреб
Беднягу и поверг в озноб,

То когти острые, то зубы
Вонзая в гущу лисьей шубы.
Медлив, который носит флаг,
Увесистый поднес тумак.
Все звери так хотят огреть
Его, что не пробилась треть,
И тем, кто рвался, скаля пасть,
Случилось многим в давке пасть.

Дон Лис, привыкший свет морочить,
Не зная, как конец отсрочить,
Хоть огрызается зверью,
Но видит близко смерть свою:
Сейчас, как никогда, потребны
Ему друзья, а все враждебны.
На этот счет давным-давно
Присловьем так изречено:
Пожить в условиях суровых,
В плененье тяжком и в оковах
Полезно, чтоб узнать в беде,
Где верный друг, заступник где.
Всяк Лиса рвет, пинает, колет,
Один Гринбер, рыдая, молит,
Припомнив дружбу и родство,
За пленного, но как его
Спасти, ума он не приложит,
Поскольку сам не много может.
На Лиса бросившись, Плешак,
Вождь крыс, неверный сделал шаг
И рухнул, так толпою сперло:
Лис, ухватив его за горло,
Врага в объятьях крепко сжал,
И через миг тот не дышал.
Причем их бой был не замечен
Никем, настолько быстротечен.

Тут дама Фьера[1899] , вся дрожа,
В поту от страха, но держа
Себя в руках и вид усвоив
Надменный, вышла из покоев:
За Лиса страх, за перстень страх,
Что ныне у него в руках.
Казнится из-за дара: скверно
Ей вскоре будет, знает верно,
Еще поплачет по кольцу —
Идет история к концу.
Но, сохраняя вид достойный
И поступью пройдя спокойной
К Гринберу, молвит так ему,
Что хоть дивись ее уму:
«Гринбер,— сказала королева,—
Тем Лис наш вызвал бурю гнева,
Что шал был, нагл и неумен,
За что сполна и платит он.
Вот грамотку я принесла:
Смерть для того не тяжела
И не страшна ни в коей мере,
Кто к ней приходит в твердой вере.
Имей ее он при себе,
Не относился бы к судьбе,
Его постигшей по заслугам
Иль без вины, с таким испугом.
Скажите — но от всех храня
То в тайне,— взял чтоб от меня
Он грамотку и как мне жалко,
Что началась вся эта свалка.
Отнюдь не низкий мной порок
Руководит, свидетель бог.
Мне потому так тяжело,
Что он пригож, а терпит зло».
Гринбер ей: «Всех похвал одна вы
Достойны, благота державы!

Всевышний и на всяку плоть
Взираяй, царь наш и господь,
Не уберегший вас от срама
Да отведет бесчестье, дама!
А Лис, когда б остался жив,
Вам стал бы другом, всех затмив». *1940*

Тут королева, отдавая
Записку, взята каковая
Охотно им была, тайком
Шепнула на ушко о том,
Что если Лису-бедолаге
Спастись случится в передряге,
Направит пусть стопы свои,
Ради обещанной любви,
К ней, чтоб поговорить, но тихо,
Нишком, тут ни к чему шумиха. *1950*

На том расстались. В миг, когда
Все рвутся приговор суда
Свершить, а Лис в удавке тесной
Готов предстать на суд небесный,
Кузен Гринбер, бросая взгляд
На то, как Изенгрином сжат
В объятьях Лис и чуть не вздернут,
А строй врагов вокруг развернут,
Заводит громогласно речь
С тем, чтоб их слух к себе привлечь:
«Ах, Лис, вы нынче в неизвестный *1960*

Пойдете путь на суд небесный.
К тому готовясь бытию,
Вы, исповедавшись, свою
Оставьте волю детям, кои
Прелестны и умны, все трое».
— «Впрямь,— молвит Лис,— имею власть
Всем ныне выделить я часть.
Пусть во владенье замком вступит

Мой старший: враг в него не вступит, *1970*
А башни, также как бойницы,—
Жене, чьи коротки косицы.
Затем мой сын Пролаз: пусть все
Луга ему Тибер Фрессе
Отдаст, мышей и крыс там масса —
Не словишь столько до Арраса.[1976]
И младший, наконец, Ровель:
Ему пускай Тибо Форель
Покос и садик, где гумно,
Отдаст, там белых кур полно. *1980*
На сем кончаю я с разделом:
На жизнь им хватит при умелом
Веденье дел. При всех им прав
Добившись, верю я, что прав».
Гринбер ему: «Конец ваш близок,
Наследников же краток список,
И я, кузен ваш, в стороне.
Могли бы, что-то дав и мне,
Явить, сколь добры ваши нравы».
Лис говорит: «Да-да, вы правы. *1990*
Коль замуж выйдет вновь жена,
Пускай та часть, что ей дана,
Вся вам, святой Марии ради,
Отходит, до последней пяди.
Она же, со моей кончине,
Забудет вскоре о кручине,
Тибо в силки свои заманит
И, чтоб крестился, ждать не станет.
Едва положат мужа в гроб,
Жена глазами хлоп да хлоп *2000*
Кругом, и, если кто пригож,
Сейчас же вынь ей да положь,
И даже чувств не засекретит,
Трепещет: вдруг он не заметит.
К примеру, схоронив меня,

Моя утешится в три дня.
Однако, только соизволь
Мне приказать сеньор король
Пойти в отшельники, монахи,
Каноники, пошел в рубахе
Волосяной бы, потому
Что угодить хочу ему,
Хотя из бренной сей юдоли
Ушел и по своей бы воле».

В крик Изенгрин: «Несчастный враль!
Развел такую пастораль!
Уж как вы за нос, притворяла,
Водили нас, давали драла,
Красиво было б и сейчас
Всех обмануть примеркой ряс!
Пусть бог владыку обесславит,
Коль вас позорно не удавит
Он, сей же час казнить веля,—
Вам, право, в самый раз петля.
Того, кто вашу казнь отложит,
Любить душа моя не может:
Спасать злодея от петли
Лишь злоискатели б могли».
— «Сир Изенгрин, теперь всецело,—
Лис молвил,— это ваше дело.
Но в вышних бог свой суд вершит:
Кто жалуется, не грешит».
Король вмешался: «Время вешать!
Довольно болтовней нас тешить!»

Как ни жалей, а был бы Лис
Повешен, но, в долину вниз
Взглянув, он видит кучку конных,
Мужей и дам, тоской сраженных:
То мчалась Лисова жена

Чрез пустошь прямо, скакуна,
Чтоб поспешал, все время шпоря,
Томясь и не скрывая горя.
Скакали следом сыновья,
Кручины также не тая,
То рвали волосы в печали,
То платье в клочья раздирали,
И скорбь в их воплях и вытье
Была слышна уже за лье.
Не спешиваются учтиво,
Но подлетают торопливо,
И с ними конь под грузом ценным,
Чтоб, выкуп дав, уехать с пленным.
Уж близок исповеди срок,
Но тут отряд толпу рассек,
Пав средь смятенья и тревоги
Всеобщей Властелину в ноги.
И дама, столь был яр порыв,
Простерлась, всех опередив:
«Сир, милосердья! О пощаде
Молю, творца-владыки ради!
Тебе отдам бесценный груз,
Коль мужа вызволишь из уз».
Сир Властелин глядит: богато
Во вьюках и сребра, и злата.
Такого он не ждал улова
И молвит: «Дама, право слово,
Вред Лиса мне неизвиним,
И людям шкодил он моим,
Тут долгий разговор не нужен.
Конец столь тяжкий им заслужен,
И так как с ним никто не квит
За каверзы, то пусть висит.
Притом и все мои вассалы
Ждут наказанья надувалы,
Менять я слова не привык —

Его казнят, подходит миг».
— «Сир, ради спасшего всех нас,
Спаси его на этот раз!»
И рек король: «Любовь господня
Велит его простить сегодня,
Но, окажись он в чем замешан
Еще раз, будет впрямь повешен».
— «Сир,— молвит та,— согласна. Впредь
Не попрошу его жалеть».
Тут отдает король приказ
У Лиса снять повязку с глаз,
И вот уж он закуролесил,
Запрыгал, радостен и весел.
Король сказал: «Умерьте прыть.
Мир вам, но бойтесь нас озлить,
Любой проступок, малый даже,
Вас тотчас приведет сюда же».
Лис молвил: «Боже, отврати
От виселиц мои пути».
Присутствию жены и чад
И домочадцев очень рад:
Тот обнят им, тот расцелован,
Он всем, что видит, очарован.

Для Изенгрина круговерть
С освобожденьем — прямо смерть.
Теперь бояться каждый будет,
Что вновь он где-то напрокудит,
А тот готов, дай только бог
До ночи иль до полдня срок.
Уже готовились к дороге
Они, когда заметил дроги
Король: в процессии печальной
То мышь за ношей погребальной
Шла напрямик к ним, дама Лыса,
С Плешаком-мужем, жертвой Лиса,

Который задушил, подмяв,
Его, жестокий крысодав.
Держаться к даме Лысе ближе
Сестре хотелось, даме Рыже,
С десятком братьев и сестер.
Король их скорбный слышит хор:
Там мог бы сосчитать, кто зорок,
Сынов и дочерей штук сорок
Да всех кузенов шестьдесят.
Так жалобно они вопят,
Что криком полон край окрестный
И потрясен сам свод небесный.
Причину суматохи сей
Ища, прошел король правей:
Он слышит вопли, слышит крики,
Но в суть вникать претит владыке.
А Лис при виде похорон,
Тоской великой поражен,
Затрепетал тотчас в испуге
И, сзади стать велев супруге
И отослав к ней чад и слуг,
Остался без поддержки вдруг:
Строй покидая, домочадцы
Спешат к коням, чтоб прочь умчаться.
Трясется Лис, попав в беду:

Гроб громыхает на ходу
И дама Лыса, в кутерьму
Бросаясь, рвется к самому
Владыке: «Сжальтесь, сир!» — запала
Хватило крикнуть, сердце сдало,
Свалилась. Рядом рухнул гроб.
Где плач, где пени, где поклеп
Звучат на Лиса, тон повышен,
Сам громовержец-бог не слышен.
Король схватить его велит,
Но к бегству путь еще открыт,

И Лис не ждет, поскольку ясно,
Что оставаться здесь опасно:
Довольно слов, не так он глуп!
Лис на высокий лезет дуб.
Вдогонку все за душегубом
Пустившись, сходятся под дубом.
В осаде Лис, все войско здесь —
Небось, поймают, только слезь.
Король приказывает плуту
Спуститься вниз сию минуту.
«Сир, слово каждый ваш барон,
Что зла не причинит мне он,
Пусть даст. От вас же, что на муки
Не предадите, жду поруки.
Мне всякий здесь, как вижу, враг,
И тянутся ко мне все так
Едва ль затем, чтоб дать мне хлеб,
Уж больно вид-то их свиреп.
Потише вы, графья д’Ошье и
Де Ланфруа,[2166] — свернете шеи!
Кто хочет что сказать, я внемлю
Отсель: к чему слезать на землю».

Издевок Лиса не стерпев,
Владыка впал в ужасный гнев.
Брать топоры двум лесорубам
Велел он и покончить с дубом.
Как речь пошла о топорах,
Лис испытал тоску и страх.
Бароны, строясь в круг, о мести
Мечтают порознь и все вместе,
И как он ускользнет, бог весть.
Но месть не месть, а надо слезть.
Успев лишь камень взять в кулак,
Полез: до Изенгрина — шаг...
Знать, есть и на владык проруха!

Король подшиблен камнем в ухо:
И за сто марок[2183] бы не мог
Несчастный не свалиться с ног.
Пока сбежавшимся вассалам
Приходится с трудом немалым
Сеньора на руках нести,
Внимая пеням по пути,
Лис прыгнул вниз и был таков.
Несется вслед бессильный рев:
К какой ни обратись персоне,
Не склонишь никого к погоне,
Кричат, что он не просто тварь,
Как все, но дьявольский штукарь,—
Нет о погоне и помина,
Из виду Лис пропал близ тына.
Владыку во дворец несут
Придворные, где ждал уют
Его и так был каждый чуток
К нему, что через восемь суток
Оставила страдальца боль
И в прежнем здравье встал король.
А Лиса вновь ищи-свищи:
Дрожите за свои плащи!

Ib

Дал чрезвычайные права
Зверям декрет владыки-льва
Объявленный: кто Лиса схватит,
Пусть время на привод не тратит
Ни ко двору, ни к королю,
Ни к графу, но сует в петлю.
Лис, не задетый тем ничуть,
В глубь пустоши направил путь.
Но все ж, труся побежкой мелкой,
От встречи с новой переделкой
Хранит себя и взор напряг:
Враг может быть везде и всяк.
На холм поднявшись по отрогу
И на восток уставясь, к богу
Воззвал он в искренней мольбе,
Удач и благ прося себе:
«Ты, кто един триипостасный,
Спас от беды меня ужасной
И мной заслуженный удар
Отвел, оставив жизнь как дар:
Да будет плоть моя и доле
В твоей святой хранима воле!
Все так устрой и этак сладь,
Чтоб, и случись мне повстречать
Кого, никто бы из зверья
Не мог сказать, что это я».
Кладет он в сторону востока
Поклон, бьет в грудь себя жестоко
И, лапой лоб перекрестив,
Скрывается средь гор и нив.
Но так как Лиса мучил голод,
То, завернув в ближайший город,
Вбежал к красильщику он в дом.

Тот мастер в деле был своем,
И только что раствор им взболтан:
Уверившись, что ровно жёлт он,
Сам отлучился, локоть[2241] мерный
Пойдя искать, чтоб, мерой верной
Сукно не смерив, не бросать
Всю штуку для покраски в кадь.
Ее открытой он оставил,
Окно ж, придерживаясь правил,
Всегда держал во весь раствор,
Чтоб видеть густ иль чист раствор.
Лис по двору в то время рыщет,
Чем бы набить желудок, ищет,
Заглядывает под навес,
Все осмотрел, везде пролез —
Нет ничего, ну хоть бы крошку
Нашел. Тогда он шасть к окошку:
Дом пуст. Туда-сюда взглянул
И, лапы к брюху, внутрь скользнул.
Но бес ему в каморке темной
Припас сюрприз головоломный:
Что за прием, что за обман —
Попал он в полный краской чан!
Исчез, но показалась в ту же
Минуту голова наруже:
Стал плавать он, иначе б мог
И утонуть, столь чан глубок.
Совсем выходит дело скверным:
Идет хозяин с локтем мерным,
Давай вертеть кусок сукна.
Вдруг плескотня ему слышна,
Лис хочет выбраться оттуда:
Покуда плавал, стало худо.
Решил проверить зреньем слух
Хозяин — захватило дух:
Сукно роняя на пол в спешке,

Идет он к чану без промешки;
В растворе Лиса отыскав,
К нему бросается стремглав
И целит, как бы стукнуть в темя,
Поняв, что это зверье племя.
Лис молит, плача и стеня:
«Не бейте, добрый сир, меня!
Я зверь, но вашего же цеха,
Подмога вам, а не помеха.
Всю жизнь в красильню я ходил
И красил до потери сил.
Хотите, я секрет открою,
Как краску смешивать с золою,
Известно это вам едва ль».
Хозяин молвит: «Ну и враль!
Какой сюда проник ты щелью
И плаваешь с какою целью?»
Лис тотчас: «Приготовить смесь
И разболтать ровнее взвесь!
Так это делают в Париже
И там, где я живу, и ближе.
Теперь лишь, мной измельчена,
Готова к крашенью она.
Подайте руку мне: обсудим,
Что далее мы делать будем».
Хозяин что к чему смекнул
И лапу ту, что Лис тянул,
Так начал дергать оголтело,
Что чуть не оторвал от тела.
Почуяв под собою пол,
Иные речи Лис повел:
«Работа, друг, меня б сморила,
Ведь я ни уха в ней, ни рыла —
Трудись один. Мой кувырок
В красильню стать смертельным мог.
Клянусь, призвав святого духа:

Я б не доплыл до места суха,
Не в силах страх свой побороть,
Но, к счастью, спас меня господь.
Надеюсь, желтый цвет не марок.
Теперь, когда мой мех так ярок,
Не смогут звери, кто ни встреть,
Что это я, уразуметь.
А так как Лиса ненавидит
Весь мир, я шансу рад, бог видит.
Прощай, не гаснет интерес
Мой к приключеньям: тянет в лес».

Смолкает речь его едва лишь,
Как беглеца скрывает залежь.
Бежит, глазея. После всех
Несчастий Лиса душит смех.
Вдруг у дороги, возле тына
Он замечает Изенгрина.
Ну, страх! И ростом он не мал,
И дюж, хоть и оголодал:
Чем бы разжиться, зубы точит.
«Беда! Погиб я,— Лис бормочет.—
Вон как могуч он и велик,
А я совсем без пищи сник,
К тому ж и мучим был. По виду
Не буду узнан я, коль выйду,
Но голос, прежний тембр храня,
Конечно, выдает меня.
Все ж подойти мне норов вздорный
Велит, чтоб знать настрой придворный»,
При этом изменить язык
У Лиса замысел возник.
А Изенгрин на Лиса косит
Глаза, одну из лап подносит
Ко лбу и крестится раз сто
Подряд, не понимая, кто

Гуляет по его округе,
И убежать готов в испуге,
Однако ждет: узнать теперь
Уж интересно, что за зверь,
Чай, из чужого прибыл края.
Лис молвит, как бы подбирая
Слова: «Гуд морнинг, сэр, гуд найт!
Моя тебя не понимайт».
— «Господь спасенье вам пошли!
Отколь вы? Из какой земли?
Вы не француз, не нашей веры,
У вас нездешние манеры».
— «Я, сэр, приехайт из Бритейн
И трата денег не жалейн,
Искайт попутник джентельмейн,
Никто найдется, нейн как нейн.
В земле французском и английском
Попутник безудачно искан.
Моя во Франце долго срок,
Всю бегайт вдоль и доперек:
Никто не друг есть иностранцу.
Теперь хотент покинуть Францу,
Но до того, как выйти из,
Моя решайт идти в Париз».
— «А смыслите ль в каком вы деле?»
— «Йес, я жонглер, играй на вьелле.[2370]
Вчера разграблен и избийт,
И вор мой вьелла уносийт.
Когда достать, то пьеть на вьелле
Имею лэ и ритурпели,[2374]
Капсопа тоже веселит
Тебе, кто благороден вид.
Однако я два дня голотный
И что-нибудь поесть охотный».
— «Как звать вас?» — молвит Изенгрин.
— «Мое есть имя Галопин.[2380]

А я беседу с господином
Имею... как вас?» — «Изенгрином».
— «Вы сей страна рожден на свет?»
— «Да, и живу в ней много лет».
— «Что новый про король есть слышен?»
— «Без вьеллы твой вопрос излишен».
— «Но приносить хотейт утех
Моим искусством я для всех,
Брать в лэ бретонском верный тон
И знать про Мерлин и Нотон,[2390]
Король Артур, святой Брендан,[2391]
Про жимолость[2392] и про Тристан».
— «А знаешь про Изольду лэ?»
— «Йес, йес,— тот молвит,— сильвупле!
Их всех имею я знакомых».
— «Что ж, вижу, малый ты не промах,—
Промолвил Изенгрин.— Изволь
Теперь сказать (Артур-король
Тебе судья): ублюдок рыжий,
Бездушный, низменный, бесстыжий,
Коварный — боже защити
От сих — не встретился в пути?
Обман и ложь — его занятья.
Пошли господь ко мне в объятья
Его! Удрал позавчера —
Так голова его хитра —
От короля, был коим застан
С женой, на что весьма горазд он,
К тому ж и всем в печенки влезть
Сумел: грехов его не счесть.
Есть счет и у меня к злодею,
Пусть бы себе сломал он шею.
Поймай его я, так бы тряс,
Что околел бы он тотчас:
Я королем уполномочен,
Его указ был прям и точен».

Внимал перечисленью вин,
Потупясь, Лис: «Дон Изенгрин,
Не вышел разве из рассудка
Такой любитель злая шутка?
Но как зевать он? Имя как?
Я думай, он зовут Осляк».
Словцо Осляк от инородца
Услышав, Изенгрин смеется,
Решив, что нет смешней имен:
«Хотите, как зовется он,
Узнать?» — «О да, я имя буду
Запомнить».— «Лисом звать паскуду.
Обман и ложь — его занятья,
Пошли мне бог его в объятья!
Вздохнул бы мир легко: едва ль
Его кому-то стало б жаль».
— «Безумник этот мало блага,
Когда ты находи бедняга.
Клянусь все злато небесе
И вместе с мученики все
Святой Фома Кентербериский,[2437]
Мой не хотел бы видом близкий
С ним быть».— «И есть на то резон:
Тебя не спас бы Аполлон,
Ни все, что есть на свете, злато,
Узнай в тебе я супостата.
Но вот что: впрямь ли ты мастак
В искусстве и попасть впросак
Не сможешь, при дворе играя,
Но выставишь жонглеров края
Всех на всеобщий ты позор,
А не тебя какой жонглер?»
— «Свят наш господь в Иерусалиме!
За год я не встречай такими».
— «Тогда пойдем, я расхвалю

Тебя владыке-королю
И королеве, столь же знатной
Происхожденьем, сколь приятной.
И твой, я вижу, славен род:
Представлю кой-какой народ
Тебе и при дворе работу
Найду, имей только охоту».
— «Ваш милость,— Галопин в ответ,—
Я много способ и секрет
Умей: щипки, вертки и дерги —
Уверен, быть весь двор в восторге.
Взять вьелла в руки есть мне цель,
Чтобы куплет и ритурнель
Попеть, какой тебе угодный,
Ибо манер твой благородный».
— «А знаешь,— молвит Изенгрин,—
В вечерний час простолюдин
Один играет тут на вьелле:
Соседи сходятся; веселье
Детишкам; сколько раз я сам
Его слыхал по вечерам.
Клянусь святым Петром, отменный
У вьеллы звук и корпус ценный.
Проникнем мы в его жилье
И так иль сяк возьмем ее».
Пустились с радостью в дорогу.
О том, каких он и как много
От Лиса перенес кручин,
Речь по-французски Изенгрин
Вел с Лисом: рассуждал о списке
Бесчинств в ответ тот по-английски.
Шли ходко: хорошо маршрут
Знал Изенгрин. Пройдя приют
Отшельника, достигли цели —
Двора, где шла игра на вьелле,
И в садик дома, где живет
Вьеллист, проникли без хлопот.

Но так они боялись таски,
Что простояли из опаски
Весь вечер, подпирая тын»
Пока играл простолюдин.
Зато едва вьеллиста сон
Сморил и спать улегся он,
Встал Изенгрин с подъятым ухом,
С отверстым зрением и слухом:
Уж год, как присмотрел в степе
Он тайный лаз вовнутрь извне.
Сквозь щель меж досок глянул: вьелла
Напротив на гвозде висела.
Послушал: все как будто спят,
Во всех углах храпят, сопят.
Но у постели, в угол темный,
К огню так близко пес огромный
Прилег, что шкура не горит
Едва на нем: кроватью скрыт,
Он был не виден Изенгрину.
— «Эй, брат,— тот шепчет Галопину,—
Жди здесь меня: пойду взглянуть,
Нельзя ли как ее стянуть».

(Пес оскопляет Изенгрина. Лис уносит вьеллу. Гермелина, считая, что ее муж мертв, выходит замуж. Лис расстраивает свадьбу.)

II

Датируется приблизительно 1175 г.

(После нескольких неудачных предприятий Лис попадает в капкан и едва вырывается из него.)

Меж двух холмов лежащий дол
Пройдя, лужайку Лис нашел:
Ручей струился близ пригорка;
Окрестность оглядел он зорко —
Нет и следа людей вокруг.
Чуть дальше рос тенистый бук,
И струи, пробежав излуку,
К тому сворачивали буку.
Упал, попрыгав и сплясав,
Лис на постель душистых трав,
И ну валяться и кататься —
Что за местечко: тень, прохладца,
Едва ли где-то лучше есть.
Теперь найти б еще что есть —
Хоть век не покидай долину.

Меж тем и ворону Тьеслину
Невмоготу: не ел с утра,
И отдохнуть давно пора.
Нуждою выгнанный из бора,
Домчался вмиг он до забора,
Хоть тени и страшась любой,
Но броситься готовый в бой.
Глядит, сыры на солнцепеке
Лежат; уж на исходе сроки
Их выдержки, а та, кому
Стеречь поручено,— в дому
И не выходит почему-то.
Что ж, подходящая минута:

Во двор бросается Тьеслин,
Оттаскивает сыр один —
Но, выбежав, ему вдогонку
Старуха камни и щебенку
Давай швырять, вопя: «Эй, сир,
Немедленно верните сыр!»
Видать, рехнулась сторожиха.
Тьеслин ей: «Тихо, бабка, тихо!
Неважно, прав иль виноват,
Я сыр не понесу назад.
Вора приманивает щелка.
Пастух беспечный кормит волка.
Тем, что остались, нужен страж —
А этот сыр уже не ваш.
Тряхнул я славно бороденкой,
Работою доволен тонкой,
В налете был немалый риск —
Поймав, вы мне вчинили б иск.
Какой он желтый и пахучий!
Вы не могли мне сделать лучший
Подарок. Съем его в гнезде:
Поджарю, вымочив в воде
Сперва. Желаю вам того же.
Лечу, мне мешкать здесь негоже».
И полетел, от счастья шал,
Как раз туда, где Лис лежал:
Облюбовали бук бароны,
Тот — корни, этот — гущу кроны,
Но разве справедлив удел,
Чтоб этот ел, а тот глядел?

Тьеслина клюв с размаху всажен
В глубь сыра, хоть еще он влажен,—
И первому конец ломтю.
Вот так-то, бабушка, тю-тю,
Не углядели: круг ваш сырный
Хорош — и мягкий он, и жирный.

Вновь рубанул сплеча, и вниз,
Туда, где спал вполглаза Лис,
Упала маленькая крошка,
А так как дремлет Лис сторожко,
Вмиг поднял морду: что к чему
Не надо объяснять ему.
Чтобы ясна была картина
Вполне, вскочил он и Тьеслина
Узрел: да это ж куманек
Его — и сыр, гляди, меж ног.
— «Кум,— радостно вскричал,— не вы ли
Визитом мой приют почтили?
Вы! Узнаю черты лица!
Мир праху вашего отца,
Что мог и в терцу петь и в кварту:
Певцов во Франции — Ругарту,[922]
Как сам он хвастал, равных нет.
И вы, я помню, с детских лет
Учились пению прилежно.
Все так же ли поете нежно?
Могли бы ретроенку[927] спеть?»
Расставлена искусно сеть:
Раскрылся клюв — грубее крика
Не слышал Лис. «Что за музыка! —
Воскликнул.— Голос ваш окреп.
Но эту вещь хотелось мне б
Услышать спетой выше тоном».
Тьеслину, как и всем воронам,
Дай только петь: взвопил артист.
— «Сколь мощен голос, столь и чист,
Лис молвит.— То-то всем утеха!
Чтоб пущего достичь успеха,
Не ешьте больше ни ореха.
Ну, в третий раз — и без огреха!»
С усердьем свой пропел мотив
Певун — аж когти распустив,—

Забыл, что держит сыр, растяпа.
Пред Лисом круг упал, но лапа
Не шевельнулась у плута —
Мешает делу суета.
Желанье жгучее он гонит,
Хитро задумав, что не тронет
Закуски лакомой, пока
Не схватит также куманька.
Как будто сыр и не был сброшен,
Отходит в сторону, взъерошен,
Невесел, слаб, на лапу хром:
Мол, если и не перелом
Бедра, то очевидно — рана
Не зажила после капкана.
И всё Тьеслину напоказ.
— «Бог от беды меня не спас,—
Лис хнычет.— Сколько ни мудри я,
Мук не избегнуть. О Мария
Святая! Столь тяжелый дух
От сыра, словно он протух.
Не то, что быть не может съеден —
Для ран сам запах этот вреден.
Врач наложил на сыр запрет —
И вот, желанья даже нет.
Тьеслин, меня б вы одолжили,
Спустившись и от этой гнили
Избавив. Я вас затрудню
Лишь потому, что в западню
Попал на днях,— а не стряслось бы
Беды, стыдился б, верьте, просьбы
Такой. Чтоб кость бедра срослась,
Лежать я должен. Буду мазь
Втирать и пластырь класть на рану,
Покуда на ноги не встану».
И тем, как жался он внизу,
И тем, что подпустил слезу,
Лукавцу удалось подвигнуть

Глупца на то, чтоб наземь спрыгнуть.
Но, помня, что исподтишка
Лис нападает, дать стречка
Готов Тьеслин, поодаль стоя.
Лис наседает: «Что такое?
Боитесь, кто-нибудь вас съест?»
Плут делает призывный жест
И смотрит. Забывает ворон
В минуту эту, сколь хитер он.
Коварный следует прыжок,
Однако Лиса сносит вбок —
Дичь фюйть из челюстей: в гарнире
Лишь перья, да и тех четыре.
Рад, что отделался легко,
Тьеслин; уселся высоко
В ветвях — хрипит, считая раны:
«Как — без опаски, без охраны —
Решился к рыжему лжецу,
Уроду, наглому льстецу
Спуститься я! Внушив доверье
К себе, мерзавец вырвал перья
Мне из хвоста и из крыла,
Геенна бы его взяла!
Клянусь, что о себе злодею
Напомнить я еще сумею!»
Безмерно огорчен Тьеслин.
Лис в объяснение причин
И вдался бы, да тот не склонен
К беседе — сыр им проворонен.
— «Круг этот, ладно,— буркнул,— ваш.
Но больше вам подобных краж
Не совершить. А я-то речи
Поверил, дурень, об увечье».
И долго он еще ворчал.
Однако Лис не отвечал,
Утешиться готовясь пиром;

Да только не наесться сыром
Грошовым — на один лишь зуб:
Хоть несколько таких ему б.
Но, съев, признал, что объеденье
И что ни разу от рожденья
Не ел столь вкусного нигде,
А он уж знает толк в еде.

Ждать больше нечего, к тому же
И ране, кажется, не хуже,
А если так, то Лис отнюдь
Не против вновь пуститься в путь.

(Лис сходится с Грызентой и насмехается над Изенгрином.)

III

Датируется 1178 г.

Сеньоры, то была пора,
Когда давно сошла жара
И повернуло к зимней стуже.
Дела у Лиса были — хуже
Нельзя: пустые закрома,
И не приложит он ума,
На что бы сделать мог покупки,—
Ну впору класть на полку зубки.
Выходит он, нуждой гоним.
Таясь, чтоб не столкнулись с ним,
Бежит низиной, под навесом
Тростинок, меж рекой и лесом.
И вот тропою приведен
К щебенчатой дороге он.
Крадется, головою крутит
Туда-сюда; меж тем не шутит
С ним голод, объявив войну,
И Лис, лелея мысль одну —
Поесть, но сделать для почина
Не зная что, прилег у тына:
Потрафит как-нибудь авось.
И впрямь, дорогой той пришлось
Торговцам рыбой ехать вскоре.
Спешили: выловленных в море
Везли селедок свежих груз
И рыб иных, на всякий вкус.
Как норд задул на той неделе,
Селяне крупных углядели
И разной мелочи наплыв,
Корзины доверху набив.
Улов был скуплен по дороге

Торговцами: угри, миноги —
Нагружен с верхом воз. А Лис,
За плутни коему хоть приз
Давай, на выстрел был из лука
От них. Готово все для трюка
Опять: со всех помчался ног
Угрей любитель и миног
Вперед, но с прежнею повадкой,
То бишь с оглядкой и украдкой.
На дерне, посреди пути
Разлегся: право, провести
Задумал способом неглупым
Он их, прикидываясь трупом.
Людей понадувавший всласть —
Закрыл глаза, оскалил пасть
И задержал дыханье. Нуте,
Кто слышал о подобном плуте!
Лежит он недвижим и нем,
Торговцы близко между тем.
Воз так бы и проехал рядом,
Когда б один, скользнувши взглядом,
Не задал спутнику вопрос:
«Эй! Там лисица или пес?»
Тот удержать не может крика:
«Лисица! Сбегай! Да гляди-ка,
Не задала бы стрекача:
Запас у Лиса-ловкача
Приемов для спасенья шкуры
Большой». Слезает первый с фуры,
За ним товарищ — и бегом
Туда, где Лис лежит ничком.
Лисицу дергают, не труся:
Мертва. Глупцам бы об укусе
Подумать — нет, все о цене;
По шее треплют и спине.
Один сказал: «Три соля[67] стоит».

Другой: «А коль господь устроит,
Возьмем четыре, только б спрос
На рынке был. Кидай на воз,
Немногим станет тяжелее.
Глянь, мех как бел и чист на шее!»

На самый верх его швырнуть
Сумев с размаху, снова в путь
Пустились, радости не пряча,
Столь неожиданна удача
Была: «Жаль, несподручно тут,
А к ночи, как найдем приют,
Каков, посмотрим, он с подкладки».
Сказав, заходятся в припадке
Веселья. Лис же вглубь глядел —
Неблизок путь от слов до дел:
На брюхе малость поелозил,
С корзины зубом крышку сбросил
И тут же, верите ль, сельдей
Десятка три сожрал, злодей.
Хоть без шалфея[87] и без соли,
Но с аппетитом ел и вволю,
Опустошив до дна почти
Корзину. Прежде чем уйти,
Забросить удочку намерен
Рыбак еще раз, я уверен.
И точно: миг — и пасть внутри
Корзины, где лежат угри.
Три связки вынуты: уловок
У Лиса масса; меж веревок
Просунув голову, а вслед
За ней и шею, за хребет
Забрасывает их умело.
На этом в самый раз бы дело
Кончать, да только как невесть
Теперь с телеги надо слезть:

Нет ни подножки, ни ступенек.
Однако плут-то не глупенек:
Встав на колени, на глазок
Прикинул будущий прыжок;
На край сползя, в момент последний
Уперся лапою передней
И спрыгнул с воза жив-здоров,
На шее унося улов.
Гордясь соскоком столь счастливым,
Кричит торговцам: «Помоги вам
Господь! Угрей теперь и мне,
И вам должно хватить вполне».
Торговцы не поймут, откуда
Раздался голос, что за чудо.
Вскочили и кричат: «Лиса!»
Обоих взор туда впился,
Где Лис валялся на корзине,
Но там уж нет его в помине.
В растерянности говорят
Друг другу: «Нужен был пригляд
За тем, кто на такие штуки
Горазд»,— и воздевают руки.
— «Увы, но прав он, наказав,—
Галдят,— таких, как мы, раззяв.
Доверье оба проявили
К плуту, глупцы и простофили!
Корзин-то как уменьшен вес!
Товар наш весь почти исчез.
Две связки рыбы самой лучшей
Похитил, бес его замучай!»
— «Ужо,— торговцы злятся,— Лис!
Подлец! Которую ты сгрыз,
Пусть рыба вся застрянет в глотке!»
— «Ну, вы, сеньоры, и трещотки!
Мне с вами спор не по плечу.
Болтайте дальше, я молчу».
Купцы за Лисом быстро катят;

Но, видно, не сегодня схватят
Того, чей конь резвей: ушел
Легко от них, спустился в дол
И прибыл к собственной ограде.
Те ж, далеко оставшись сзади
И дурнями себя считать
Решив, поворотили вспять.
А Лис, к подобным передрягам
Привыкший, торопливым шагом
Проходит прямо от плетня
В свой замок, где его родня
Ждет в настроенье невеселом.
Наткнулся он за частоколом
На Гермелину: вот жена —
И куртуазна, и юна,
И мужа встретила всех раньше!
Но прыть в Пролазе и Мальбранше,[156]
Двух сыновьях их, такова,
Что обнят ими Лис сперва.
Трусит он мелкою побежкой,
Живот набит, глядит с усмешкой
На всех, вкруг шеи цепь угрей;
Велит не открывать дверей:
Кто б счел, что смутен ум лисичий,
Приди-ка сам с такой добычей.

И вот он в замке: не тая
Восторга, Лису сыновья
Ступни с почтеньем обтирают.
Все вместе кожу с рыб сдирают,
На ломти режут их тела,
Ореховые вертела
Втыкают и без промедленья
Впрок припасенные поленья
Кладут в очаг: огонь зажжен.
Давай все дуть со всех сторон,

Затем, на угли головешки
Разбив, пихают рыбу в спешке.

Меж тем, пока пеклись угри,
При свете утренней зари
Был Изенгрином дол обрыскан
За пядью пядь, но не отыскан
Никто и никакой предмет,
Из коих можно бы обед
Хоть самый скудный приготовить,
А то не ел уже давно ведь.
Он края пустоши достиг
И к замку Лиса напрямик
Побрел: над кухней дым клубами,
Ибо набрало силу пламя,
И в нем, готовые почти,
Угри — знай вертела крути.
Столь запах дыма ароматен,
Необычаен и приятен,
Что громко Изенгрин чихнул
И оба уса облизнул.
Пошел бы он помочь охотно,
Не будь закрыты двери плотно.
Приник к окну и взор напряг,
Чтобы разведать, что и как
Внутри. Прикидывает: или
Просить, чтоб, пожалев, пустили,
Иль, распинаясь в дружбе, лезть.
Да только не окажут честь
Ему: не тронут Лиса байки —
Всегда откажет попрошайке.
На пень садится тяжело,
Зевком голодным пасть свело:
Опять вскочил, на месте кружит,
Но ничего не обнаружит,
Что, ставя ногу на порог,

Он дать иль обещать бы мог.
И наконец еды немного —
А лучше больше — ради бога
Решает клянчить у того,
С кем свел когда-то кумовство.
Кричит ему призывно в щелку:
«Кум! Отодвиньте, сир, защелку!
Принес я кучу новостей,
И нет средь них дурных вестей».
Узнал, услышав, по страдальцем
Не пронят Лис и даже пальцем
Не шевельнул, ну впрямь оглох.
А Изенгрин совсем уж плох:
Как угнетает слух молчанье,
Так дух угриный — обонянье.
«Откройте, добрый сир!» — опять
Кричит. Хозяин — хохотать.
«Кто это,— молвит,— там? Не вижу».
Тот надрывается: «Да мы же».
— «Кто вы-то?» — «Изенгрин, ваш кум».
— «А мы гадаем: что за шум?
Не вор?» — «Да я! Откройте, ну же!»
— «Придется подождать снаружи,
Пока монахи кончат есть:
Едва за стол успели сесть».
— «Монахи? Что за ахинея!»
— «Каноники,[236] сказать точнее.
Тиронский орден,[237] и они
(Не лгу я, боже сохрани)
Меня берут в свою общину».
— «Свят бог наш,— молвить Изенгрину
Пришлось.— Не речь ли то лжеца?»
— «Все правда, милостью творца».
— «Прошу дать кров мне».— «Обеспечим
Вас кровом, а кормить-то нечем»,
— «А что, перевелась еда?»

И Лис ему: «Представьте, да.
Спросить осмелюсь, не подачки
Вы ждете ль при моей потачке?»
— «Нет, я пришел взглянуть, как вы
Живете здесь».— «Нельзя, увы».
— «В чем дело?» — волк кричит сердито.
— «В том, что не время для визита».
— «Но лакомитесь вы жарким?»
— «Смеетесь!» — Лис трунит над ним.
— «А что вкушают, не обед ли,
Монахи?» — «Расскажу, не медля:
Они вкушают свежий сыр
И рыб, с которых каплет жир.
Пост Бенедикт[259] святой нам строго
Велел держать и есть немного».
Но Изенгрин: «Что мне-то пост?
Не тонок я, скорее прост
В таких делах. Прошу приюта
Как странник, сбившийся с маршрута».
— «Приюта? Есть ли смысл в речах
Таких? Отшельник иль монах
Одни просить здесь могут крова.
Ступайте. Более ни слова!»
И понял Изенгрин, что в дом
Пробраться к Лису нипочем,
Как ни старайся он, не сможет.
Что делать, он визит отложит.
Однако спрашивает все ж:
«У рыбы вкус-то хоть хорош?
Лишь ломтик дайте — не утробу
Хочу набить, а так, на пробу.
Угри быть счастливы должны,
Что пойманы, испечены
И удостоены той чести,
Что вас насытят». Цену лести
Знал Лис, но снял с угольев три

Ломтя: так испеклись угри,
Что при малейшей же оплошке
Их плоть развалится на крошки.
Один съел сам, другой несет
Тому, пред кем закрыл он вход
В свой дом: «Придвиньтесь, кум, поближе
И дар любви примите, иже
Вам теми послан от щедрот,
В ком вера тайная живет,
Что жить пристало, как монаху,
И вам».— «Решиться трудно смаху,
Святой отец: когда-нибудь
Возможно. Но хочу взглянуть
На дар любви без проволочек».
Лис протянул ему кусочек,
Тот хвать — лишь пуще голод: так
Не угощают натощак.
А Лис: «Ну как, довольны блюдом?»
Голодным распаленный зудом
Дрожит, трясется блюдолиз.
— «Не знаю,— говорит,— сир Лис,
Какое вам сказать спасибо.
Уж так мне, кум, по вкусу рыба —
Еще кусочек, и шабаш:
Вступаю тотчас в орден ваш».
— «Чем никогда, уж лучше в поздний
Час,— молвил Лис, любитель козней.—
Пойди в монахи вы, я сам
Пошел бы в послушанье к вам.
Во времени же самом скором,
Еще до Троицы, приором[312]
Вас иль аббатом изберут».
— «Какая-то издевка тут».
— «Нисколько. Коль не лучшим в храме
Святого Феликса[316] мощами
Клянусь — монахом были б вы,

Пусть не сношу я головы».
— «Ну, а сейчас вы не могли бы —
Как немощствующему рыбы
Мне дать для подкрепленья сил?»
Лис из-за двери возгласил:
«Ха, ешьте вволю! Но сначала
Тонзуру б выстричь не мешало
Вам. Да и бороду долой».
Кум Изенгрин короткий вой
Издал, услышав про тонзуру:
«Что ж, если надо, шевелюру
Стригите, кум, и весь тут сказ».
Бормочет Лис: «Сейчас, сейчас.
Красиво будет, брадобрею
Поверьте. Я уж воду грею».

Удался розыгрыш вполне.
Вода стояла на огне,
Пока не закипела. В щелку
Затем велел просунуть волку
Лис голову и с кипятком
Вернулся к Изенгрину, в ком
Сейчас он видел дуралея:
Гляди, как вытянута шея!
И на затылок кипятку
Изрядно выплеснул: башку
Рвать Изепгрин давай из двери.
Гнуснее Лиса есть ли звери?
От боли морщась, пасть открыв,
Волк задом пятится, чуть жив:
«Лис, умираю, и не вы ли
Меня, злосчастного, убили?
Тонзура слишком велика!»
С полфута добрых языка
Высовывает Лис из глотки:
«Тонзур размеры нынче ходки

Большие: братия вся сплошь
С такими».— «Думаю, ты врешь».
— «С чего б мне, сир, вам делать больно.
В ночь первую вы добровольно
Должны страдать, все испытав,
Как нам велит святой устав».
Тот молвит: «Выполню на славу,
Что подобает по уставу.
Грешно в том сомневаться вам».
Лис клятву взял с него, что сам,
Без спросу, действовать не станет
Тот и не злом добро помянет.
Так обработан тугодум,
Что потерял последний ум.
Сквозь тайный лаз, по недоверью
К соседям, вырытый под дверью,
Выходит к Изенгрину Лис.
Тот горько плачется, что лыс
Остался, согласясь на стрижку:
Шерсть потерял и кожи лишку.
Меж тем момент не для бесед:
Лис впереди, приятель вслед —
Добраться без помех сумели
До рыбного садка, их цели.

То было время в аккурат
Под рождество, когда солят
Свинину. Небо в звездах. Студит.
Пруд, из которого поудит
Теперь сам Изенгрин в тиши,
Весь подо льдом, ну хоть пляши.
Одну лишь полынью селяне
Пробили в нем и об охране
Ее заботились: пусть скот
Под вечер плещется и пьет.
Ведро оставлено у края.
Лис подкатился и, взирая

На кума, молвил: «Рыбы тьма
В садке. Приблизьтесь. Задарма
Мы, сир, запасшись хладнокровьем,
Вон той штуковиной наловим
Здесь рыб, весьма приятен чей
Вкус,— и угрей, и усачей».
— «Брат Лис, последняя услуга:
Вокруг хвоста стяните туго
Веревку — как бы не сползла».
Лис постарался, чтоб узла
Волк ощутил тугое сжатье.
— «Брат, а теперь,— велит он,— сядьте,
Но только, чур, не шевелясь,
Чтоб рыба к полынье сошлась».
А сам, пробравшись тихой сапой
К кусту, залег и морду лапой
Подпер: вся местность на виду.
Недвижен Изенгрин на льду.
Ведром же, коего утоплен
Край в полынье, уже накоплен
Ледышек груз. Затем вода
Вся замерзает. В толще льда
Ведро застряло. Так как сцеплен
С ним хвост, он тоже льдом облеплен
Весь целиком захвачен льдом,
Зажат и запечатан в нем.
Хвостом несчастный хочет двинуть,
Ведро им приподнять и вынуть.
Так пробует и сяк, напряг
И ум, и силы все: никак!
В испуге кличет Лиса: толку
Сидеть, как прежде, втихомолку
Нет больше — вон, заря видна.
Лис поднял голову от сна,
Открыл глаза и бросил взгляд
На волка: «Труд окончен, брат!

Пойдем, дружище, нам такого
Вполне достаточно улова».
А Изенгрин в ответ ему:
«Да вот, как быть с ним, не пойму.
Не ждал подобного успеха».
Тут удержаться Лис от смеха
Не мог: «Кто тянется за всем,—
Сказал,— останется ни с чем».

Ночь отошла, сияет ало
Рассвет; но вот и солнце встало.
Жнивьё снежком убелено.
Сеньор Констанций де Гумно,
Усадьба коего лежала
Вблизи пруда, вассал вассала
Богатый, челядь упредив,
Поднялся, весел и шумлив.
Взял рог, велит не канителить,
Седлать коня, брать свору. Челядь
Сзывает гиканьем собак.
Заслышав шум, не будь дурак,
Умчался Лис в свое укрытье.
А волк, чтоб из ловушки выйти,
Елозит, бьется, и от всех
Усилий чуть не рвется мех.
Чтоб дело как-то хоть поправить,
Готов он хвост во льду оставить.

Пока вертелся Изенгрин,
Скакал рысцою челядин,
Державший двух борзых на сворке.
Увидев издали — столь зорки
Глаза,— что волк ко льду примерз
И покрывает только ворс
Башку его и даже холку,
Кричит он: «Эй! Скорее к волку!
На помощь!» Ловчие, с собой

Всех прихватив собак, гурьбой
Выскакивают из-за тына.
Усилил ужас Изенгрина
Сам дон Констанций; подскакав
И в гущу бросившись стремглав,
Прибавил он свой голос к хору:
«Живее, ну! Спускайте свору!»
Псари освобождают псов
Легавых: те под крик и рев,
Наскоком этот, тот подшибом,
Сбить волка тщатся. Шерсть вся дыбом
На нем — тут в оба знай смотри:
Науськивают псов псари.
Он еле сдерживает свору
Клыкастую — эх, дать бы деру,
Да как? А дон Констанций меч,
Сойдя с коня, успел извлечь
И, к волку по ледовой глади
Приблизясь, для удара сзади,
Чтоб промахнуться уж нельзя
Было никак, зашел, скользя,
Но, видно, не знаток дистанций
Он был: промазал дон Констанций
И рухнул, темя в кровь разбив.
Поднялся: ярости прилив
Боль заглушил. Теперь внемлите
Рассказу о кровопролитье.

Хотел он голову отсечь,
Но отклонился снова меч,
И тем удар был усугублен,
Пришедшись по хвосту: отрублен
По самый зад он. Ощутил
Калека, что свободен тыл,
И прянул — пса за псом кусая,
Ибо старалась вырвать стая

Еще из ягодиц хоть клок,
Хвост получив уже в залог:
Нет тяжелей и горше доли,
Чуть дух не испустил от боли.
Но отдохнуть нельзя ему,
Бежит, стремясь уйти к холму.
Как ни дерут его собаки,
Выстаивает все же в драке.
Когда ж на холм взбегает он,
Те отстают — окончен гон.
Но волк, не дав себе досугу,
Помчался, оглядев округу,
Туда, где роща разрослась,
И только там присел, клянясь,
Что Лису месть он приготовит
И дружбы ввек не восстановит.

X

Датируется между 1180—1190 гг.
(Лев выслушивает зверей, потерпевших от Лиса.)

И наконец в покое он
Оставлен. Государь взбешен,
И гнев его на Лиса страшен.
И вот, уйдя в одну из башен,
Он слег и стал, лишившись сил,
Ждать смерти: и болезнью был
Со дня святого Иоанна[1163]
Полгода мучим непрестанно.
Врачей, чтоб хворь перебороть,
Со всей страны, до моря вплоть,
Созвал он — с севера и с юга
Пришли со средством от недуга
К больному: и король, и граф
(Кого в какой писать из граф
И как их звать, не знаю), одр
Его обстав, вели осмотр.
Однако хоть без промедленья,
Боясь ослушаться веленья,
Они пришли, их врачество
Бессильно излечить его.
Гринбер напряг свой ум барсучий:
Вот для кузена Лиса случай
Вернуть, искусно исцеля
Больного, милость короля.
Уж то-то б славный поворот был!
И с тем на поиски он отбыл,
Решив, покуда не найдет
Его, не прекращать хлопот.

С утра Гринбер коня гнал гоном,

И в аккурат с полдневным звоном,
Ибо знаком был путь и прям,
Подъехал к замковым вратам.
В то время подпиравший стену
От скуки после сна — кузену
Гринберов знаменитый брат
Двоюродный весьма был рад.
Поднять немедля брус, которым
Он пользовался как запором,
Велит, чтоб внутрь кузен проник.
Приказ исполнен в тот же миг,
Доволен Лис работой четкой.
И в замок медленной походкой
Вступает наконец Гринбер.
Здесь на торжественный манер
Он встречен Лисом и всем домом:
Оказывает Лис приемом
Ему радушие и честь.
«На сей раз вот какую весть
Я вам принес,— уста отверз он,—
Король наш Властелин истерзан
Болезнью так, что вовсе плох.
Сменяет жалобой он вздох
И ждет безвременной кончины.
Но помнит он все ваши вины;
Меж тем, приди и исцели
Его вы, милость бы могли
Вернуть. Визит мой засекречен,
В пути никем я не замечен,
Ни с кем не вел об этом речь»,
И Лис благоволит изречь:
«Господь спаси вас и помилуй,
Скажите мне, кузен мой милый,
За что он на меня сердит.
Кто из баронов норовит
Поссорить нас? Кто поднял шум?»

— «Ответить мне легко: ваш кум,—
Сказал Гринбер,— кипит в нем злоба.
Затем Рванель с Брехмером, оба
За ум попавшие в послы,
Потоки льют на вас хулы.
Вы действовали так, что ныне
Вид виноградника в ложбине
Наводит на Рванеля жуть
(Тут вас нельзя не упрекнуть).
Брехмеров же хребет был лаком
Тем трем иль четырем собакам,
Которым шкуры клок снести
С него вы дали до кости».
Для Лиса эта весть — открытье:
«Так Изенгрин, вы говорите,
Пред королем оклеветал
Меня, хитрец и самохвал?
Добра не будет демагогу.
А вы не мешкайте, в дорогу!
Отправлюсь я с утра: пусть двор
Меж мной и Изенгрином спор
Решит, сопутствуй мне подмога
Святого Германа[1244] и бога».

Гринбер ушел без лишних слов.
Лис ищет, кто не так суров
Из королевских быть курьеров
К нему бы мог, но нет примеров
Послов, не застанных врасплох.
Неважно, кто хорош, кто плох,—
Он оправдается, коль сможет.
Гринбера выпроводив, строжит
Пред тем, как выйти самому,
Семью и слуг, чтоб никому
Не смели открывать ворота,
Чтоб в замок не проникнул кто-то,

Кто, хитро стражу обошед,
Шпионить начал бы и вред
Нанес впоследствии, фискаля.
«Дозор,— ответ был сенешаля,—
Усилим, сир, чтоб не прошел
Ни мужеский, ни женский пол,
И пусть оставит вас забота».
Немедля заперли ворота
И поднялись на бастион.
А Лисом с места взят разгон.
Петляет меж полей дорога,
И, шпоря лошадь, просит бога
Он, чтоб, к нему благоволя,
Помог в леченье короля.

Весь путь он молит и Мартина
Святого с богом заедино
Устроить так, чтоб медицина
Спасла владыку Властелина,
Чего желал бы он весьма.
Мысль не выходит из ума
Весь день: скача, то то примерит,
То се, но ни во что не верит.
Въезжает наконец на луг.
Болит, ибо отнюдь не туг,
Живот, еще бы не болел он,
Коль за день путь такой проделан!
Ту ночь проспал он на лугу,
Однако снова впал в тугу,
Когда при первом возгоранье
Зари вскочил в рассветной рани
От мысли, что худой он врач
И что лекарства нет, хоть плачь,
А цель его — король здоровый.
С молитвы день им начат новый,
А курс такой в то утро взят,

Что вскоре он заметил сад,
Где множество росло целебных,
Для медицинских нужд потребных,
Тех, что редки и ценны, трав.
В том направленье поскакав,
Он вскоре отпустил поводья,
С холма в цветущие угодья
Спустился и с коня сошел
И намотал узду на ствол:
Пусть, дескать, конь в древесной сени
Находит вкус в траве и сене.
А Лис по саду взад-вперед,
Знай, рыщет, из земли он рвет
Траву, которая врачует;
А как он знает их и чует,
Какая где, мне невдомек.
Травы надергав, сколько мог,
Решил, что больно рвать не стоит,
После чего идет и моет
Ее во влаге родника,
Поившей почву цветника.
И, тщательно в струях очистив,
Охапку всю травы и листьев
Меж черепиц он двух растер,
Лекарственный засыпал сбор
В бочонок — и к коню! С предельной
Внимательностью он к седельной
Луке бочонок привязал:
Скорее в путь — его привал
Лишь задержал бы. Прочь из сада
Он скачет, на душе отрада.

Он весел. Не жалея шпор
(Высокородный впрямь сеньор!),
Коня он направляет к логу.
Того, кто знает так дорогу,
Учить ли, должен на тропу

Какую ставить он стопу?
Из лога подъезжает к роще,
Где и уют, и скрыться проще.
Глядь, под сосною перед ним
В сон погруженный пилигрим:
Он спит — ну как проехать мимо,
Коль на ремне у пилигрима
Сума висит, и тяжела
На глаз! И, соскользнув с седла
Среди дороги, Лис с оглядкой,
Шажками тихими, украдкой
Пододвигается к суме:
Всегда лишь шкода на уме!
Открыв суму, достал из глуби
Сперва траву от боли в зубе,
Затем пучок тех самых трав,
Король от коих станет здрав.
Ослебаран[1345] нашел, который
Как только принимал кто хворый,
Так, в теле чувствуя согрев,
Вставал, горячку одолев.
Затем глазам его смышленым
Открылась куртка с капюшоном,
Лежавшая под головой
У пилигрима, к каковой
Подкрался, хладнокровно вынул
И, на себя надев, покинул
То место шагом, перейдя
На рысь немного погодя.
И, так скача, дворца достигнул
Он вскоре и на тумбу спрыгнул.

Увидев Лиса пред собой,
Придворные бегут гурьбой
К нему. Какие есть, все звери,
Из робких даже, рвутся к двери,

И, оскорбительно глумясь,
В него кидает всякий грязь
И так и этак Лиса кроет.
Но Лис в ответ им рожу строит
И в залу входит, где король,
Худой и бледный, терпит боль.
Он поднял, привлеченный шумом,
Главу; узнал; совсем угрюмым
Стал взор; в нем выразилась злость.
Но к краснобайству склонный гость
Учтив: «Храни, о боже правый,
Все, что ни есть в морях, создавый,
Достойнейшего короля,
Какого видела земля —
Вас, сир мой лев,— о чем баронам
Не надоест умильным тоном
Твердить, и можно верить им!
В Салерно,[1380] а сначала в Рим
Поехал, пересек я море,
Чтоб средство вам достать от хвори».

Звучит немедля отклик льва:
«О Лис, источник плутовства!
Беды не миновать вам, дерзкий
Сын потаскухи, карлик мерзкий!
Клянусь, попались наконец
Вы мне. Гляди, какой храбрец!
Как вы прийти ко мне дерзнули?
Вас залучив сюда, смогу ли
Я уважать себя, когда
Над вами не свершу суда
Теперь с придворными совместно?»
— «Сир,— молвит Лис,— вот интересно!
Ну, речь! Да что это вы вдруг?
Иль таково моих заслуг
Пред вами и пред государством

Признание, когда с лекарством,
Чтоб боль унять, к вам прибыл я?
Отец небесный мне судья,
Коль проявил я мало прыти,—
Вы ж гибели моей хотите,
Неведомо за что казня.
Но выслушайте, сир, меня,
Молю, повремените с гневом,
Есть, право, что поведать мне вам.
Сир, знайте, мне не без труда
Далась езда туда-сюда:
Не говоря уже о риске,
Обширен край, концы не близки
К Тоскане от Арденнских гор,[1411]
Иль до Ломбардии. С тех пор
Как вам терпеть не стало мочи,
В одном селе я больше ночи
Не спал, ни в крепости ни в чьей.
За морем я искал врачей,
В Салерно ли, на край ли света
Я мчался, чтоб спросить совета.
В Салерно счастлив был вояж:
Искусный лекарь, случай ваш
Исследовав, прислал лекарство».
Лев молвил: «Вновь, небось, штукарство?
Чтоб так, за здорово живешь,
Избавить от болезни! Ложь!»
— «Нет, сир! Такого средства свойства,
Что нет причин для беспокойства.
Недуг ваш будет побежден».
И с плеч немедля сбросил он
Накидку на пол, ткань расправил,
Бочонок на нее поставил,
Но тут является Рванель.
Не верит он глазам: ужель
То Лис, которым он подначен

Полезть в капкан, был коим схвачеи
Так, что в петле уже повис?
Как на безумца смотрит Лис
На пса. А тот рычит: «Владыка,
Тут вот какая закавыка!
Погряз мерзавец во вранье.
Сказал, что ездил в Монпелье,[1440]
В Салерно — равных нет в таланте
Обмана; вряд ли был он в Манте.[1442]
Теперь он, видите ли, врач —
Но плачет по нему палач,
И да не минет голодранца
За то, что вашего посланца —
Меня,— взяв в виноградник, влезть
Подначил в петлю, ваша месть.
Дружить с ним вышло мне накладно,
Клятвопреступник врет вам складно:
Предатель он — я дать готов
Залог в свидетельство сих слов».

Лис молвит: «Слышите, владыка?
Звучат собачьи песни дико,
Такое мелет, будто пьян
Иль явный в голове изъян.
Уже три месяца как к дому
Не приближался я родному,
И если там шатался пес,
То не из похоти ль, вопрос.
С моей дражайшей половиной
Прелестной дамой Гермелиной,
Хотел он, стыд забыв, сойтись,
Она ж, как шельма ни крутись,
Дала любителю развратца
Урок — чему тут удивляться!»
Тут кот Тибер, кому сюрприз
С силком устроил тоже Лис,[1468]

Встает: «Ступай своей дорогой,
Пёс-клеветник с душой убогой!
Перейден дерзости предел,
Коль на барона Лиса смел
Ты лгать, что мог небречь он клятвой.
Смешным рассказ считаю я твой.
В тот день, когда ты пойман был
(На жалобы о чем свой пыл
Здесь тратил), я скакал к поместью
Дон Лиса. Гермелину, честью
Своей известную, нашед,
Спросил, где Лис: ее ответ —
А слово этой дамы верно —
Гласил, что муж отбыл в Салерно,
С собою сотню ливров[1483] взяв,
Целительный купить состав
Ибо, призвавши медицину
На помощь льву, дон Властелину,
Чтоб вам здоровье, сир, вернуть,
Он тяжкий сей проделал путь».
— «Владыка, вы ему поверьте,—
Лис молвит,— ибо аж до смерти
Мне ненавистен кот Тибер,
И он-то бы привел пример
Греха любого, будь я грешен,
И был бы им я с грязью смешан.
Но благороден он и прям —
Поверим же его словам».
Лев молвил: «Это суд рассудит.
Сказали вы, Тибер, и будет,
А вы уж, Лис, займитесь мной
Скорее. Я такой больной,
Что ничего не вижу вовсе.
Сказал себе: сию готовься
Покинуть к Троице юдоль.
Не передать, как жгуча боль».

Лис говорит на это: «Здравы,
Ручаюсь, станете в три дня вы.
Пусть принесут горшок: мочу
Больного изучить хочу».

Внесен горшок: у Властелина
Нет мочи ждать, и половина
Постели влагой залита.
Лис восклицает: «Красота!»
Подняв, на жидкость смотрит строго:
«Горячку, при поддержке бога,
Хотя ее коварен нрав,
Я изгоню, лекарство дав,
Сир Властелин. Но при условье
Важнейшем, что вернуть здоровье
Вы впрямь желали б горячо».
Ответил лев: «И как еще!»
— «Тогда закрыть велите двери.
Все остальное я по мере
Нужды спрошу. Вам не вздохнуть
Сейчас, но вскоре боли грудь
Отпустят: это лихорадки
Перемежающейся схватки».
Лев молвит: «Все, в чем есть нужда,
Найти не стоит мне труда».
— «Сир, чтоб начать нам процедуру,
Прошу доставить волчью шкуру,
Включая голову, ко мне —
И скажет всяк у вас в родне,
Что смыслю я кой-что в науке.
А вы избавитесь от муки».

Едва узнал, каков почин,
Взмолился богу Изенгрин:
Лишь он здесь волк. Но Лис нажима
Не сбавит, месть неотвратима.
Лев вздернул бороду, а взор

Направил на притихший двор
И с жалостью нелицемерной
Промолвил волку: «Друг мой верный,
Не откажитесь от услуг,
Мне должных облегчить недуг».
Лис вторит: «Впрямь, его услуги
Нужны вам. Кстати, без натуги
Мог снять бы шкуру, ведь оброс
Он прежде б, чем настал мороз:
Начало теплого сезона
Сейчас, замерзнуть тут мудрено».
— «Сир, — Изенгрин кричит,— иль срам
Зверей уж безразличен вам?
Вклад этот сделать в медицину
Нет сил. Ну как я шубу скину?»
Изрек владыка: «Видит бог,
Что, говоря мне поперек,
Весьма был Изенгрин любезен.
Так будь же и ему полезен
Наш план: прошу помочь я всех
С него содрать немедля мех».
И тотчас все, кто был в чертоге,
Схватив тот — руки, этот — ноги,
Содрали шкуру со хребта:
К оплате принял все счета
Он, не воспользовавшись скидкой,
И зал покинул рысью прыткой.
Лис молвит: «С места, сир, в карьер
Обсудим выбор прочих мер.
При незначительном усилье
Олень для вас бы сухожилье
Достать мог из ствола рогов
(Поймите, вид мочи таков!
Мной этот список средств намечен,
Чтоб был недуг скорей излечен)
Плюс ленту кожи со спины.

Горячкой ли поражены,
Подагрой ли — не беспокоясь,
Стяните ею стан: как пояс
Пускай сжимает вас, леча.
Что делать, такова моча!»
— «Ну, разве что для исцеленья»,—
Лев молвил, на скамье оленя
Ища, и тот меж львиных лап,
Рта не успев открыть, ослаб.
Король дал знак, и прямо в зале
Вассала в обработку взяли:
Повален наземь был олень,
И со спины его ремень
Нож в направленье поперечном
Снял, сделав надолго увечным.
Затем, дав выломать рога,
Пустился и олень в бега.
Да, столь щедра двух первых плата,
Что может быть на торге взята
Или на ярмарке в расчет,
Как бы внесенная вперед.

«Тибер,— продолжил Лис,— а ну-ка,
И от тебя ждет жертв наука,
Ты тоже шерстки дай чуть-чуть —
Ступни владыке обернуть».
Тибер ответил было воем,
Но, не пронявши никого им,
Решил, что лучше быть в тени,
Коль средь придворных нет родни:
Вскочил, собравшихся раздвинул
И, не спросившись, двор покинул.
Дверь заперта была, но спас
Его вверху зиявший лаз:
Наружу выпрыгнув, по тропам
Он к тыну поскакал галопом.

Лис восклицает: «Ну и хват!
Будь проклят тот, кем я зачат,
При встрече коль уйти ублюдку
Дам, не сыграв с ним злую шутку».

Оглядывает Лис придворных,
Тому безрадостно покорных,
Что у него они в руках,
И каждого терзает страх.
Рванель, обойденный расправой,
Им вызван: «Шлюхи сын лишавый,
Огонь раздуйте! Прежде всех
Лекарств мне нужен волчий мех:
Отмойте шкуру, просушите
И дайте мне. Да поспешите!»
— «Желанье ваше, сир, приказ
Для нас: исполню сей же час».
— «А вы, барсук Гринбер, в томленье
Что там стоите? На колени!
А вы, Белин? Ко мне!» И те
Бегут, тягаясь в быстроте.
«Скорей несите мех сеньору,
И пусть вас бог предаст позору,
Коль вы промедлите хоть миг!
Ждать не в обычае владык».
Те рысью, слыша гнев в приказе,
Приносят мех. Толику мази
Лис достает: «Придется, чтоб
Скорее отпустил озноб,
Вам, сир, помучиться сначала».
Лев молвит: «Только б полегчало
И встал с одра я здрав и цел,
А то совсем ведь ослабел!»
Лис, подождав, пока он ляжет
Ничком, владыке ноздри мажет
Ослебараном, не скупясь,
И эта действенная мазь

Жжет организм настолько люто,
Что вскоре все внутри раздуто.
Все потроха у льва болят,
И начинает пукать зад.
Чихает он, все больше мучит
Владыку боль, все пуще пучит
Живот, совсем невмоготу,
Вся шкура на спине в поту.
Хрипит: «Что ж так меня раздуло?»
— «То исполнение посула:
Вы исцелитесь, но не вдруг».
А тот все только пук да пук,
Ибо лекарством наслан встречный
На жар горячки жар кишечный.
Но тащит Лис к теплу огня
Его — и волчий мех, тяня,
На торс напяливает львиный.
А дальше лечит медициной,
У пилигрима каковой
Разжился; кормит льва травой,
Тот ест и не находит вскоре
В себе ни слабости, ни хвори.

«Я выздоровел, не погиб,—
Кричит,— полтыщи вам спасиб!
Даю вам власть над всей страною:
Коль кто пойдет на вас войною,
Я помощь окажу свою.
Два крепких замка вам даю.
Ни боли нет следа, ни жара!
Достойны вы любого дара».
— «Сир,— молвит Лис,— благодарите
Творца, мне давшего наитье,
Как вас лечить! Бегу к жене:
Два месяца в разлуке, мне
Утешить Гермелину надо.

Со мной свиданью будет рада
Она и добрым тем вестям,
Что я от вас ей передам.
Сир, я Брехмера не обидел,
Но он меня возненавидел,
И Изенгрин с ним, ваш прево:[1687]
Грешно сердиться ни с чего.
Коль в лапы попадусь кому-то
Из них, замучен буду люто.
Сир, чтоб избегнуть таковой
Беды, придайте мне конвой».
Сказав: «Охотно!» — для защиты
Тот дал ему сто конных свиты.
Так быстро мчался караван,
Что до полудня в Теруан[1696]
Прибыть успел, но были кони
Без сил, при этаком-то гоне.

Конвой простился и исчез
Вдали. Тотчас в нору залез
Дон Лис, врагов подвергший казни,
И, как я знаю, из боязни
Провел немалый в замке срок,
Покуда вышел на порог.

XI

Датируется приблизительно 1200 г.

(Лев отправляется в поход на язычников и назначает Лиса в свое отсутствие охранять дворец.)

Тибера лев и Изенгрина
Призвал пред очи: «Пусть дружина
Сюда прибудет с вами вся,
Присягу Лису принеся
На верность, и проявит доблесть,
С ним охраняя эту область.
Сеньоры, Лису отдаю
Вас под начало, чтоб в краю
Был мир, и преданность свою
Всяк давший клятву пусть в бою *1980*
Покажет и с ним рядом встанет,
Коль кто на вас войной нагрянет».

И все пришедшие на зов
Пред королем без лишних слов
Клянутся. Близок час разлуки,
Король велит торочить вьюки:
Возов и переметных сум
Немало едет с грузом сумм
Больших; шатры везут, палатки.
И наконец после укладки, *1990*
Сто тысяч войска со двора
Во вторник двинулось с утра.
Путь кавалькады шел лугами.
Пролаз, державший крепко знамя,
Трепещущее на ветру,
Впадал в тем горшую хандру,
Чем отъезжал от Лиса дальше.
А Лис, по части лжи и фальши

Искусник, с королевой был
Оставлен, а ее любил
Уже давно он, и со страстью.
Теперь же, обладая властью,
Предаться без помехи счастью
Он может, даму к соучастью
В грехе склоняя много раз,
На что не думает отказ
Она давать, напротив, рада.
Ему же высшая услада —
Возлечь с возлюбленной в постель.
При этом свозит в цитадель
Он провиант, веля им склады
Набить, поскольку ждет осады.

А в прочем — никаких забот.
Король меж тем войска ведет.
Погода — только бы не хуже:
Ни ветра, ни дождя, ни стужи.
И вот уж, так как, неудач
В пути не зная, мчались вскачь,
Передовая их охрана
Стоит всего в трех лье от стана
Врага, что в стенах крепостных
Укрылся. Сник король, притих,
Затем воззвал в волненье к свите:
«Во имя господа, внемлите,
Сеньоры, мне! Враги близки,
Прошу вас развернуть полки».
— «Сир,— те вскричали,— за собою
Ведите нас! Оружье к бою!»
Широким фронтом для броска
Развертываются войска:
На битву в десяти колоннах
Выходит рать бесстрашных конных.
Ведет их, знамя распустив,

Пролаз,[2035] чей каждый жест красив.
Полки идут в таком порядке:
Колонна зайца Труса к схватке
Готова первой, сам смельчак
Нес развевающийся стяг;
Второй колонна шла Белина,
А третьей — ворона Тьеслина.
Медведь Бирюк, равна лишь мощь
Чьей доблести, четвертой вождь.
Шел Шантеклер[2046] с колонной пятой,
Пусть юный, а молодцеватый.
Вел еж Шпынарь, как мы прочесть
Могли, колонну номер шесть.
Кабан Босяк,[2048] вооруженный
Клыками, шел с седьмой колонной.
Восьмую выводил на цель,
Власть разделив с Руссо, Рванель.
За ним — сеньор Фробер,[2051] девятой
Колонны признанный вожатый.
Десятую повел король
С Пролазом, чья особо роль
Важна: он всех стратегов лидер.
Сеньор Бернар, протопресвитер,[2056]
Который был миролюбив
И мудр, грехи им отпустив,
Вскричал: «Бояться ль нам неверных,
Друзья, и полчищ их безмерных!
Узнайте же, что слаб их тыл
И нет у авангарда сил.
Кой толк в побоище жестоком!
Не дав поднять мечей, наскоком
Их можно взять и всех посечь».
Король сказал: «Вот речь так речь!
Совет достойной столь особы
Неоценим. Велю я, чтобы,
Святой Сильвестр[2069] свидетель, дан

Был архипастырский вам сан.
Коль даст господь мне по молитве
В грядущей не погибнуть битве,
Считайте, что епископ вы.
Заслуги ваши таковы,
Что медлить с даром я не стану».
— «Сир, был бы рад весьма я сану».

Бой грянул. Первой из атак
Врасплох застигнут сонный враг.
И Трус, чей полк напором дружным
Взял лагерь, сдаться безоружным
Велит. Но теми поднят крик:
Вскочили в следующий миг,
Схватив оружье в суматохе.
Дела у Труса были б плохи,
Не приведи к нему Тьеслин
Немедленно своих дружин.
Бросаются две рати в схватку.
Тьеслин сжимает рукоятку
Меча: блестящий остр клинок,
Одним ударом он отсек
Главу и ноги скорпиону.
Но на Тьеслина тут с разгону
Верблюд взбешенный налетел,
Клянясь всевышним, что удел
Того плачевен, что убитым
Падет он скоро, и копытом
Лягнул так сильно, костолом,
Что тот на землю лег пластом.
И впрямь близка его кончина.
Но выпад следует Белина:
Сумел он так, хоть был один,
Двоих ударить сарацин,
Что выпали глаза у бедных.
При виде подвигов победных

Его — в унынье впал верблюд.
Так мил Белину ратный труд,
Так он воинственно настроен,
Что вот уж третьего раскроен
Им череп. Правда, к мертвецам
Он присоединиться сам
Мог в этой свалке, если б вдруг
Не подоспел верхом Бирюк
И сотня храбрых с ним баронов,
Не выносивших скорпионов:
Ни их не жаль им, ни себя.
В толпу врезаются, рубя:
Того — с наскоку обезглавят,
Того — пронзят, того — раздавят.
Как мертвых точное число
Назвать, коль столько полегло?
Никто б не спасся, но со склонов
В долину мчится скорпионов
Не меньше тысяч десяти.
Тут Шантеклер решил ввести
В бой из резерва батальоны.
Повсюду крики, вопли, стоны
Страдающих от тяжких ран.
Увечных полон вражий стан,
Но есть и средь однополчан.
Сам Шантеклер столь сердцем рьян,
Что, вспять не делая ни шагу,
Являет доблесть и отвагу
И таковое мастерство
Военное, что никого
Нет в войске, кто ему подобен.
Как он использовать способен
Возможность всякую в бою,
Чтоб храбрость показать свою!
Как с удальством он бесшабашным
Стремится к схваткам рукопашным!

А ведь ему еще расти,
Он юн, и телом не ахти.
И вот опять он мчится в сечу,
Разгневан, буйволу навстречу,
Ибо навел переполох
Тот в войске, семерых врасплох
У нас застав (что тут прибавить?).
И Шантеклер, чтоб не оставить
Своих в беде, неустрашим,
Спешит скорей схватиться с ним.
Пришпорить самое тут время
Коня. Нога уперта в стремя,
Копье прижато к чепраку:[2153]
Сшибаются на всем скаку.

Удар наносит буйвол первым,
И хоть милее Шантеклер вам,
Однако же его трещит
Копьем врага пробитый щит.
Но, острием застряв в кольчуге,
Чьи звенья прочны и упруги,
Копье сломалось пополам.
Таким, как Шантеклер, бойцам
Легко, едва удар смертельный
Отбивши, нанести прицельный
В ответ — копье врагу впилось
Под вздох и плоть прошло насквозь.
Окончив счеты с жизнью, наземь
Пал недвижим. Своеобразьем
Отмечен каждый взмах меча
У Шантеклера: всех уча
Примером, рвется в гущу сечи.
Враги страдают от увечий,
Покрыта трупами земля.
Ни графа нет, ни короля
В их стане, не поникших в горе:

О павшем все скорбят сеньоре.
Чтоб Шантеклера покарать
За злодеянье, сотен пять
К нему рванулось разом конных
Неукротимых, разъяренных,
И Шантеклеров был отряд
Атакой этой тотчас смят.
Кто умерщвлен, кто в прах повержен,
И хоть плацдарм пока удержан,
Но Шантеклер уж не встает,
И с ним, увы, еще пятьсот.
Все были б, верно, перебиты,
Не окажи им в срок защиты
Шпынарь, не проведи Босяк
С Рванелем быстрых контратак.
В бой на лихом влетев галопе,
Дол наполняют звоном копий.

Мессир Шпынарь столь сердцем яр,
Что дерзко рвется в самый жар,
На дромадера:[2195] тот, прикрытья
Лишась в пылу кровопролитья,
Ристал. Герой вздымает меч
И отсекает им от плеч
Главу: во прахе враг простерся.
Шпынарь же, меч держа у торса,
Сражается бесстрашно так,
Что видно: малый из вояк.
Кто средь побоища им встречен,
Вмиг иль убит, иль искалечен.
И с командиром сообща
Полк дрался, славы лишь ища.
Смерть косит их и нас: легавым
Один конец, и волкодавам.
Все ж первыми сдались они б,
Когда б не новость, что погиб

Шпынарь: повергла Властелина
И присных в скорбь его кончина.
В тот миг могли бы повернуть
Назад, столь доблестных не будь
Войск при кузнечике Фробере:
Такие враг несет потери
От них, что тыщам двадцати
Пути в отчизну не найти.
С позиций змеи в беспорядке
Бегут. Кузнечики, на пятки
Им наседая, скачут вслед.
Король, при виде сих побед,
Бросает в битву полк, Пролазом
Ведомый. Тотчас зорким глазом
Заметив их, вскричал верблюд:
«Не в силах я спасти редут,
Противник всех нас здесь уложит.
Друзья, спасайся кто как может!»
Бросают всё и — когти рвать!
Кузнечика Фробера рать,
Скача, наводит страх в их стане.
Владыка, бегство с поля брани
Узрев, кричит: «Теперь — гони!»
Фробер и все, кто из родни
Его, участвуют в погоне.
Король, прижав копье к попоне,
Летит. До моря всех догнав,
Подвергли злейшей из расправ:
Огромную столкнули груду
Их тел в пучину. Лишь верблюду
Прорваться побережьем сквозь
Все загражденья удалось.
Фробер за ним — догнал, арканит
И к королю за повод тянет:
«По воле божьей, государь,
Мы взяли верх. Вот их главарь,
Вконец разбита вражья клика».

— «Благодарю»,— изрек владыка.

Тут выход радости дают
Войска. Разоружен верблюд:
Стал ноги льву, как только латы
С него охраной были сняты,
Он лобызать: «Простить вину
Молю, ведь я у вас в плену.
Сир, будет так, как вы велите.
Я учинил кровопролитье,
Но смилуйтесь на этот раз».
Король в ответ: «Прости я вас,
Всю жизнь казнился б. За измену
Я полную возьму с вас цену:
Казню, замучаю, сожгу».
И тотчас стал король в кругу
Рванеля, Бирюка, Тьеслина,
Пролаза, Босяка, Белина,
Фробера и Руссо решать,
Чем это дело завершать:
«Как быть, сеньоры, с этим, в сквернах
Погрязшим, худшим из неверных?
Какую по его вине
Назначить казнь, скажите мне».
Фробер изрек: «Святым Рикьером[2271]
Клянусь, прибегнуть к жестким мерам
Пора! Как вам сдиранье кож?»
Владыка молвил: «Кож? Ну что ж!»
Повиснув тотчас на верблюде,
Его на землю валят судьи,
Кто рвет, кто держит за грудки.
Босяк, так тот вонзил клыки,
Рванелем подана веревка:
На хвост накинутую ловко,
Ее Бирюк тянуть взялся,
И сразу шкура слезла вся.

Умело казнь свершили каты.
Владыка рад, что от расплаты
Враг не ушел, что супостаты
Разбиты и трофеи взяты.

Восторга не таит король.
Одна терзает душу боль:
Не ждал он, что число такое
Своих падет на поле боя.
Велит убитых погрести;
Шпынарь и Шантеклер в чести
Особой: их должны нести
В гробах, чтоб дома, захоти
Им кто последнее прости
Сказать, дождались их. К пути
Готово все. В войсках порядок,
Все рады, путь до дому гладок,
Родная впереди земля.

Теперь оставим короля
Поговорим о Лисе-плуте,
Бесчестном врале и, по сути,
Источнике беды любой.
Распорядиться так судьбой
Он хочет, чтоб был месяц прожит
Вольготно им, коль бог поможет:
Там будет видно, а дотоль
Он император и король.
Трюк для придворных им придуман:
О смерти льва поднимет шум он.
Тотчас подделкой письмеца
Занялся и зовет гонца:
«Друг, подтвержденье я намерен
Того иметь, что ты мне верен:
О том, что ныне предприму,
Сказать не вздумай никому».
— «Сир, знайте, что крепка порука

Моя. Я не издам ни звука.
Приказ ваш для меня закон.
Не бойтесь же»! — клянется он.
Лис слышит то, что слышать хочет,
И дальше голову морочит:
«Дружище, вижу, впрямь ты гож.
Сейчас ты от меня уйдешь,
А завтра явишься к придворным
И им, с отчаяньем притворным,
Объявишь, что убит король,
И на виду у всех изволь,
Чтоб дело не подвергнуть риску,
Отдать вот эту мне записку».
Тот молвит: «Вам видней оно.
Пусть будет так, как быть должно».
Лист тотчас подан Лисом: взят он
Слугою бережно и спрятан.
Гонец простился и исчез.
В тревоге Лис: что как вразрез
Поступит с тем, что он наметил,
Слуга? Живой души не встретил,
Покои покидая, тот.
Тайком из городских ворот
Сумел он выехать под утро
И поступил, признаться, мудро.

Пришпорив скакуна, на луг
Он дальний поскакал и вдруг,
Уже покрывшегося потом,
Пустил назад его наметом.
Беднягу пятками колоть
Не уставал: все глубже в плоть
Вонзаться приходилось шпорам.
И, так скача, к воротам в скором
Вернулся времени гонец.
На землю спрыгнув, во дворец

Вбежал: приветствует сначала
Он Лиса и, как той пристало,
Дам куртуазней коей нет,
Шлет государыне привет:
«Я, дама, прибыл к вам с поклоном
От короля: велел баронам
Прочесть сие письмо, а мне
Вам передать, что на войне
Сражен смертельною он раной».
— «Ах,— Лис кричит,— язык поганый!
Сражен храбрейший из владык!»
И с этими словами прыг
На вестника, а был при жезле
И двинул так им, что полезли
Мозги и мертвым пал гонец.
А Лис: «Молчи! Не мог творец
Хотеть, чтоб нас король покинул».
Вам ясен ход его? Чтоб сгинул
Слуга, не обличив его,
Так поступил он. Каково!
На ум приходит лицемеру
Дать пред двором прочесть Тиберу,
Для пущей, так сказать, красы,
Письмо. Расправил кот усы,
От буквы текст прочтя до буквы:
«Мне дали документ из рук вы
Своих о смерти короля.
Он умер, поступить веля
Так: королева Фьера вступит
Пусть с Лисом в брак и мужа любит,
Вы ж, Лис, владыкою страны
Без пререканий стать должны».

На это предложенье прямо
И просто отвечает дама:
«Коль завещанье таково,
Мой долг — послушаться его,

Смирение — к спасенью средство.
Ведь королевство мне в наследство
Досталось, вся на мне страна.
Но я немедля знать должна,
Что так же Лис об этом судит».
— «Еще бы. Хоть сейчас. Да будет
Меж нас согласие и мир!»
— «Как славно вы сказали, сир!»
И радостны, и скорбны лица:
Хоть по владыке траур длится,
Сменяется весельем боль,
Как вспомнит кто, что Лис король.
Так что немедленную брачной
Четы назвать помолвку мрачной
Никак нельзя: мажорен тон
Звучащих во дворце кансон
И лэ; жонглерских вьелл напевы
Звучны; танцуют дамы, девы;
Так до веселья всяк охоч,
Что не ложатся спать всю ночь.

Назавтра радость вновь гулякам —
Лис сочетался с дамой браком.
Бароны, самый цвет страны,
В том, что они ему верны,
Тотчас же принесли присягу
И клятву действовать ко благу
Его, коль будет в том нужда,
На что согласье без труда
Он дал. После чего придворным
Вновь можно танцам и игорным
Забавам посвятить досуг.
Но дан им к омовенью рук
Знак коннетаблем Изенгрином,
Столы меж тем накрывшим: к винам
И яствам приступить черед

Настал. И первое несет
В руках изысканное блюдо
Гринбер: с владыкой быть не худо
В родстве, а Лису он кузен.
Всего же было перемен
Десятка два, не вел я счета.
Но вот пора, хоть неохота,
Вставать, в чем подают пример
Барсук Гринбер и кот Тибер:
Два друга, чьи манеры схожи,
Уходят свадебное ложе
Благословить. Им роль пришлась
По вкусу — вышли, веселясь.
Из спальни: пусть молодожены,
На сей раз соблюдя законы,
Начнут любовную игру.
Встает с постели поутру
Лис не медлительным и квелым
Отнюдь, но бодрым и веселым:
Велит, чтоб срочно вся казна
Была ему принесена.
Денье, и серебра, и злата
Без меры взято им — как плата
Вперед. Родне раздав паи,
Отправил их в Малпертуи,
Боясь (и, ей-же, справедливо)
Со львом, лишь тот придет, разрыва:
Как знать, возьмет из королей
Кто верх, а дома всё целей.

(Король штурмует замок. Лис попадает в плен, но получает помилование.)

XVII

Датируется 1205 г.

(Лис, оправдываясь перед королем в очередных преступлениях, возводит поклеп на петуха Шантеклера.)

«Сир, поединок,— Шантеклер
Сказал,— есть лучшая из мер.
Кто проиграл — будь четвертован
Или повешен. Тьму грехов он
Свершил и вам нанес урон.
Нет, право, пусть, кто побежден,
Наказан будет беспощадно,
Вперед чтоб было неповадно.
Сей выход прям и справедлив».
Сзывают, прений не продлив,
Как судий тех, кто без изъяна:
Медлива, коршуна Феррана,
Кузнечика и муравья,
Все кои меж собой друзья,
И столь же доблестны, сколь честны,
И государю тем известны,
Что трезв их ум и ровен нрав.
Присягу от бойцов приняв,
Их оставляют перед боем
Вдвоем. Не терпится обоим
Начать, и первым, под запал,
На Шантеклера Лис напал
И лапой так махнул с наскоку,
Что разодрал петушью щеку.
Но клювом тюкнул так петух
В ответ, что свет в глазах потух
У Лиса, как он их ни пялит:
Со лба до пят весь кровью залит,

И разлился поток на лье.
«Вы живы, судя по струе,—
Пел Шантеклер над ним,— не вялой
Отнюдь, как видим мы, и алой.
Решенье на меня напасть
На вас же навлекло напасть,
Глупец. Возьмусь за вас я круче,
Проверю, так ли вы живучи,
Заставлю сдаться и пошлю
Как побежденного в петлю».
Звучит угроза вхолостую:
Лис, отереть успев густую
С лица струящуюся кровь,
Открыл глаза и, видя вновь,
Сказал противнику: «Предатель!
Приди на помощь мне создатель,
И бой, не то что проиграв,
Окончу я, но цел и здрав.
Сейчас я вас возьму в работу
И отобью ристать охоту».
Исполнен сил и сердцем яр,
Наносит лапой вновь удар
Такой он, что кусище целый
Из ляжки вырван плоти белой.
От боли раненый взвился:
Все перья сплошь, кольчуга вся
В крови. Но Шантеклер не нытик
(Хотя вращать поток — а вытек
Кровищи добрый буасо[1345] —
Мог мельничное колесо)
И платит сразу и с лихвою:
На холку, вновь готовый к бою,
Вскочил он, шпоры в бок воткнув,
И в голову так сильно клюв
Вогнал, что череп стал дырявым,
И, вырвать вслед за ухом правым

Сумев еще и левый глаз,
Сказал: «Похоже, Лис, у вас
Нет в этой схватке перспективы.
Коль даже б и остались живы,
Теперь калека вы, культя.
За дам Пестру и Крапу мстя.
Весьма вас потрепал я крепко.
Быть может, помогла б сурепка
Иль подорожник, присобачь
Шпынарь их, королевский врач,
Как пластырь к каждой вашей ране.
А за позор свой в этой брани
Благодарите дерзкий нрав,
И в миг, когда, вас покарав,
Месть, наконец, мой гнев остудит,
Нужды вам во враче не будет».
Легко понять из этих слов
Тому, что Шантеклер готов,
Унизив, осрамить изрядно
Его и мучить беспощадно,
И не отпустит просто так.
Прикинуться, не будь дурак,
Лис хочет трупом, по примеру
Былых времен[1376] — мол, Шантеклеру
Возиться будет тошно с ним,—
И рухнул наземь недвижим.
То дернет Шантеклер, то клюнет,
Но интереса ни к чему нет
У Лиса: право, мертв совсем,
Не вздрогнет, рот закрыт и нем,
Ни звука не издаст, ни вздоха.
Не видит Шантеклер подвоха,
В конце концов им клюнут в хвост
И стащен в грязный ров прохвост.
И здесь простейшую из истин
Лис осознал: что ненавистен

Он пуще всех зверей зверью
И помощь получить ничью
Не мог бы — пусть он закавыку б
Нашел, мол, даст обет иль выкуп
Богатый, злата и сребра,
И дом, и сколько есть добра —
Коль в плутне обличат и этой.
И Шантеклеру ни приметой
Не выдает он, что живой.
Вокруг толкучка, в каковой
Лежать, не шевелясь, мудрено.
Ругарт же и Брюзга[1400] -ворона
Идут ко льву, чеканя шаг,
И рапортуют: «Сир, итак,
По Лису можете поминки
Назначить. В этом поединке
Противник был с ним так суров,
Что сник он: ныне брошен в ров,
Колодой и лежит в котором.
Конца бы не было укорам,
Будь тело, кое впрямь мертво,
И дальше бито. Труп его
Склюют назавтра без остатка,
А вам бы отдохнуть хоть кратко —
Окончена бойцами схватка».
Скрывает короля палатка.
Бароны, каждый в свой приют,
Спешат, веселью отдают
Досуг и предаются счастью.
А Лис лежит с открытой пастью,
Как бы безжизнен: недвижим,
Во рву валяясь, видом сим
Врагам лишь услаждает взор он.
Отпущенный владыкой ворон,
Меж тем с вороною Брюзгой
Так, чтоб не знал никто другой,

Крадутся с интересом жгучим
Ко рву, где голодом был мучим
Лис, одноух и одноглаз.
Ворона шепчет: «В самый раз
Сейчас, Ругарт, на доходягу
Взглянуть вблизи. Прибавим шагу.
Делами галисийских всех
Святых клянусь, мы можем мех
Подергать, труп нас не обидит».
Лис, хоть и слышит их и видит,
Но слаб: решает в разговор
Не лезть первейший из притвор
И ждать, возни не начиная,
Пока не ляжет тьма ночная.
Но тем-то больно невтерпеж,
Угрозы нет, момент хорош:
Вскачь приближаются и смело
Вдвоем взбираются на тело.
И первым в тушу клюв Ругарт
Воткнул, но не успел в азарт
Войти и ощутить всю прелесть,
Как Лис усопший вздернул челюсть,
За ляжку так его схватив,
Что перья, коль рассказ не лжив,
Пустил и дальше не дал спуску.
Нога оторвана по гузку,
Увечье тяжкое. Удел
Кляня жестокий, отлетел
Ругарт туда, где та канава
Кончалась. Видя Лиса здрава,
Ворона вслед за ним взвилась.
Лис на ноги, уж не таясь,
Вскочил и с ляжкой задал деру.
Расплакаться Ругарту впору.
Но и истерзанный беглец
На свете, вроде, не жилец,

Глаз выбит, ухо драно. Кто-то,
Спасибо, хоть открыл ворота:
Ввалился в замок он без сил,
Подавлен, вымотан, уныл,

Взор Гермелины счастья полон —
Ей больший праздник, что пришел он,
Чем если б в дар ей Шуази[1467]
Дал. Но, на голову вблизи
Взглянув, увидев шрам на шраме,
От горя залилась слезами.
Жаль и несчастных лисенят:
Рыдают горько и вопят
И волокут отца к кровати.
Ругарт же, плача об утрате
Ноги, к вороне так взывал:
«Увы, подруга, наповал
Сражен я Лисом, боли дики.
Как доберусь я до владыки?
Что предпринять мне, не пойму».
— «Вас на руках снесу к нему,—
Ворона молвит.— Головою
Клянусь, сама я чуть не вою
От боли и тоски». Брюзга
Закатывает обшлага
И, к государевой палатке
Приблизившись, кричит в припадке
Отчаянья: «Прошу, король,
Защиты, ибо терпит боль
Ругарт увечный, друг ваш, ворон.
Мученья вынес и позор он
От негодяя Лиса, чьи
Следы ведут в Малпертуи,
Где скрылся, хлопнув дверью тяжкой,
С Ругартовою в пасти ляжкой.
Ее он разжевал и съел.

Благой король, преступных дел,
Свершенных столь бесчеловечно,
Нельзя терпеть нам бесконечно.
Вы вспомните, теряет член
Вассал, от вас принявший лен,[1500]
В четвертый раз. Так четвертован
Предатель будь! Ибо готов он
В любое время на разбой».
Ругарт вступает вперебой:
«Не проявляйте бессердечья!
Смертельно, сир, мое увечье.
Лишился ляжки, нет ноги,
В смятенье ум от злой туги,
Я думаю, что очень скоро
Умру, и, если живодера,
Грехов которого не счесть,
Немедля не постигнет месть,
На вас пятно по праву ляжет».
Король, дослушав, что он скажет,
Сейчас же на ноги вскочил:
«Хоть вам ловчайшим из ловчил,
Ругарт, нанесено увечье,
С законом он в противоречье
Вступил и кары не уйдет».
Лев объявляет общий сход
Баронов и кричит: «Святыми
Клянусь, прославленными в Риме,
Что двинемся и средь зимы
В Малпертуи походом мы:
С землей его сровняю стены
И, Лиса выбив, за измены
Злодея сунуть я в петлю
В присутствии двора велю.
К спасенью не найдет он хода».
— «Прелестный сир, и без похода
Могли б,— сказал барсук Гринбер,—

Мы обойтись. Пусть брат Губер
И я, коль вашим то расчетам
Не повредит, пойдем к воротам
Малпертуи. Каков он есть
Лис, он не глуп. Доставим весть
О вызове, коль вы хотите,
Настаивая на визите
Скорейшем. Сказанное им
В ответ — мы вам передадим».
Лев на ноги вскочил и ревом
Ответил: «Что ж, даю добро вам!
Ступайте к Лису сей же час
И заявите в зрячий глаз,
Что жду его я на расправу.
Пусть скажет, по какому праву
Им искалечен мой вассал».
Пришлось, коль так король сказал,
Тотчас пуститься в путь обоим.
Чтоб обеспечить их постоем,
Пред ними поскакал Медлив-
Слизняк. Стоянки сократив,
Друзья без устали скакали.
Не стану тратить на детали
Я слов: стези и колеи
Их привели в Малпертуи,
Где Лис, ворочавшийся еле,
Лежал, томясь от ран, в постели.
Губер с посланьем и Гринбер,
Унявши бешеный карьер
Коней, вскричали, в дверь ударя:
«Открыть посланцам государя!»
И Лис, услышав этот шум,
Послал привратника, за ум
И прыть ценимого, к воротам
Немедленно проведать, кто там
Устраивает ералаш.
Ни мига не промешкав, страж,

Чей хвост весьма был толст и пышен,
А тон любезен и возвышен,
Воззвал, взойдя на барбакан:
«Кто вы?» — «Увидеть Лиса дан
Приказ нам срочный Властелином.
Дверь отворить благоволи нам».
Привратник выслушал посла:
Опущенная дверь была
Подтянута немедля кверху.[1577]
Нащупав внутреннюю дверку,
Гринбер, который задом лез
И первым в глубине исчез,
Промолвил коршуну Губеру:
«Прошу вас моему примеру
Последовать — здесь низкий вход»
— «Вновь Лис на зуб меня возьмет,
Клянусь блаженным Леонардом.
Нет-нет, уж вашим арьергардом
Остаться лучше у дверей,
Вы ж возвращайтесь поскорей.
Не по себе мне там, где узко».
Гринбер решил во время спуска,
Что брат Губер, конечно, прав.
Едва в проходе не застряв,
Вошел он: голосом разбитым
Больной спросил, чему визитом
Обязан.— «Дорогой сосед,
Я ваш кузен,— Гринбер в ответ.—
И сам-то горд таким я братом,
Но вас представил виноватым
Ругарт двору, и свой урон
Так показать наглядно он
Сумел владыке и придворным,
Что вы считать не вправе вздорным
Скоропоспешный вызов в суд.
На вас же клевету взнесут,

Коль не придете. При защите
Бесспорных доводов ищите,
Чтоб тяжкий облегчить удел».
— «Кузен, сейчас мне не до дел.
И что бы дал разбор судебный
Мне в обстановке той враждебной?
А вас прошу монарший слух
Смутить известием, что дух
Я испустил; что не под силу
Был бой с Ругартом; что в могилу
Положен я вблизи куста
Тернового, под сень креста,
Женой, скорбящей о потере,
Чей родич вы и друг. От двери
Дорога доведет сама
Вас до могильного холма
Простолюдина: звался Лис он,
Так прямо сверху и надписан.
Узнать бы мог от вас король,
Что мной оставлена юдоль
Сия, когда б благоволили
Вы с Гермелиною к могиле
Пройти: она свежа досель.
Мой с вами сын пойдет, Ровель».
— «Согласен. Вы ж благоволите
Дать разрешенье на отбытье».
Гринбер выходит, поманив
Губера-коршуна; Медлив
Уж тут как тут. И Гермелина,
С собою взяв Ровеля-сына,
Ведет к холму сих важных лиц:
«Тут Лис из племени лисиц
Лежит, на горе нам, сеньоры.
Прочтут пусть надпись ваши взоры,
Которую резец нанес.
Помилуй, Иисус Христос,

Отшедшую утеши душу.
С сиротками оставшись, трушу:
Как я их выращу одна?
Ни шерстяного, ни из льна
Нет платья у меня, убогой».
И той же вспять пошла дорогой
К вратам Малпертуи. Не для
Визит, посланцы короля
Спешат домой. Владыку в сени
Шатра увидя, на колени
Упали. В скорбнейшей из поз
Застыл Гринбер, потоком слез
Омытого не пряча лика.
От вида их в тоску владыка
Впадает. Как ни скорбна весть,
Дерзает коршун произнесть:
«Была в Малпертуи поездка
Пустой, не вручена повестка.
Сир, умер Лис и погребен.
Ругарт-то ускользнул, а он,
Истерзан с переду и с тылу,
Скончался и зарыт в могилу.
Увидев свежий холм земли
С плитой, мы к выводу пришли,
Что мог быть вороном добит он,
Чем лисов долг с избытком сквитан
Пополнит тот ряды калек,
А Лису уж не встать вовек.
Пусть дух святой, судеб вершитель,
Душе его войти в обитель
Поможет райскую, где нет
ни тягот, ни забот, ни бед».
Известьем лев не успокоен
Отнюдь, но лишь сильней расстроен
Печальна с Лисом эта вся
История. Он поднялся
И горестным промолвил тоном:

«Увы! Он лучшим был бароном
Из всех, какие нынче есть.
Кого должна постигнуть месть
И возместится чем утрата?
Пусть лучше половина взята
Была бы моего добра!»
Сказал и прямо от шатра
Прошел в дворцовые покои.

Итак, какая жизнь, такое
И погребенье! Кончен сказ
О Лисе наш. Довольно с вас.

---

notes

Примечания

1

Якобы много веков назад это создано было.
Мыслимо ль это? Сюжет словно сегодня возник.
Ф. Шиллер. Ксении. 270. Рейнеке-Лис (Перевод Б. Ярхо)

2

Традиционную нумерацию «ветвей» «Романа о Лисе» ввел Э. Мартен, подготовивший первое критическое издание произведения. Это издание, несмотря на свою давность, остается лучшей научной публикацией памятника, см.: Le Roman de Renart, publié par E. Martin. Vol. 1—3. Strasbourg — Paris, 1882—1887.

3

Их хронология убедительно обоснована Люсьеном Фуле, см.: Foulet L. Le Roman de Renart. P., 1914.

4

См.: Flinn L Le Roman de Renart dans la littérature française et dans les littératures étrangères au Moyen Age. Toronto, 1903, c. 107—109.

5

Лишь в XII-й «ветви» рассказывается, как королевство Нобля подверглось нападению язычников-сарацин.

6

См.: Bossuat R. Le Roman de Renard. P., 1967, с. 91.

7

См.: Goglin J-L. Les misérables dans l’Occident médiéval. P., 1976, c. 50; Le Gojf /. La Civilisation de l’Occident médiéval. P., 1982, c. 205.

8

Bossuat R. Le Roman de Renard, c. 102.

9

См., например: Flinn J. Le Roman de Renart dans la litterature française, с. 70.

10

См. там же, с. 37—39: Bossuat R. Le Roman de Renard, с. 114-117.

11

См.: Flinn J, Le Roman de Renaît dans la littérature française, с. 41—42.

12

Обратим внимание на то, что при изображении двора Нобля, где животные воспроизводят поведение представителей феодальной верхушки, люди, за редчайшими исключениями, не появляются; последние обнаруживают себя лишь тогда, когда животные действуют в привычной своей обстановке — в лесу, в поле, деревне и т.д.

13

См.: Гаспаров М. Л. Поэзия вагантов.— Поэзия вагантов. М., 1975, с. 485.

14

Левин И. Введение.— Свод таджикского фольклора. Т. 1. Басни и сказки о животных. М., 1981, с. 19—20.

15

См.: Иванов Вяч. Вс. Реконструкция индоевропейских слов и текстов, отражающих культ волка.— Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 34. 1975, № 5, с. 399—408.

16

См.: Свешникова Т. Н. Волки-оборотни у румын.— Balcanica. Лингвистические исследования. М., 1979, с. 208—221.

17

См.: Delumeau 3. La Peur en Occident (XIV—XVIII siècles). Une cite assiégée. P., 1978, c. 63—65.

18

См.: De Gubernatis A. Mythologie zoologique ou les legends animales. P., 1874, t. II, с. 127—160.

19

Муратова К. Средневековый бестиарий.— Средневековый бестиарий. Автор статьи и комментариев К. Муратова. М., 1984, с. 8 -9.

20

См.: Карнеев А. Материалы и заметки но литературной истории «Физиолога». СПб., 1890.

21

Гаспаров М. Л. Античная литературная басня (Федр и Бабрий). М., 1971, с. 9.

22

См.: Дашкевич Н П. Вопрос о происхождении и развитии эпоса о животных. Киев, 1904, с. 49—50.

23

Гаспаров М. Л. Нивард Гептский.— Памятники средневековой латинской литературы X—XII веков. М., 1972, с. 460.

24

Мелетинский Е. М. К вопросу о применении структурноссмиотического метода в фольклористике.— Семиотика и художественное творчество. М., 1977, с. 162.

25

См.: Sudre L. Les Sources du Roman de Renart. P., 1893, c. 64-67.

26

Фильштинский И. М. Арабская литература в Средние века. Арабская литература VIII—IX веков. М., 1978, с. 186—187.

27

См.: Герхардт М. Искусство повествования. Литературное исследование «1001 ночи». М., 1984, с. 315.

28

См.: Ольдерогге Д. А. Предисловие.— Сказки народов Африки. М.— Л., 1959, с. V—VII.

29

См.: Bichon J. L’Animal dans la littérature française au XII-ème et au XIII-èmo siècles. Lille, 1976, с. 464—463.

1.

Это Пьер де Сен-Клу, автор II-й «ветви», самой ранней по времени возникновения.

9.

Об этом подробно рассказывается в конце II-й «ветви», что предполагалось известным читателям и слушателям.

10.

Об имени волчицы см. во вступительной статье, с. 14. Здесь и далее переводчик ставит себе целью пайтифонетическое подобие имени, соответствующее, насколько это возможно, его смысловому содержанию.

15.

Христианский праздник, отмечается на 40-й день после Пасхи.

32.

Название замка Лиса (Malpertuis) означает в переводе «Узкий проход».

34.

Об этом также рассказывается в самой ранней, II-й «ветви».

55.

В оригинале медведь назван «Бурым» (Brun).

79.

Имя быка (Bruian) может быть переведено как «Создающий шум».

137.

Имя барсука также значимо; оно (Grinbert) может быть переведено как «Сверкающий шлем» (от герм, grim — шлем и berht — сверкающий).

160.

И это имя этимологически прозрачно; оно может быть возведено к французскому глаголу pincer

181.

Хотя это имя также поддается этимологическому истолкованию (от герм. ber — медведь и hard — сильный, твердый), в данном случае кличка осла скорее пародийно соотносится с именем ряда очень почитаемых католических святых — Бернара Клервоского (1091—1153), Бернара Ментонского (996—1080) и др.

220.

Очень чтимый католический святой; точное время его жизни неизвестно (скорее всего VI в.). Он был основателем знаменитого монастыря (недалеко от Нима) на юге Франции, названного затем его именем. Через этот монастырь пролегал путь паломников в Сантьяго-де-Комиостелла (Северо-Западная Испания), что в большой мере способствовало популярности и славе этой обители.

259.

Католический святой (ум. 559), сподвижник короля франков Хлодвига (ок. 466—511). Существовало предание, что покаявшиеся перед св. Леонардом преступники отпускались на свободу.

279.

Имя петуха переводится как «Певец зари»; имя курицы (Pinte) означает «Цветная», «Пестрая».

313.

Имя этого персонажа (Gonberz del Frenne) восходит к герм, gund — сражение и berht — сверкающий; естественно, здесь имеется в виду воинственный гребень петуха.

337.

Игра слов, основанная на многозначности слова fol — это и «листок», и «пощечина».

359.

Имя зайца в романе (Coars) переводится именно так.

398.

Часть облачения священника, широкая лента, надеваемая на шею.

409.

Имя улитки в романе (Tardis) означает «Медлительная», «Неторопливая».

411a.

Значение имени этого персонажа (Roënel) невполне ясно; возможно, это звукоподражание, указывающее на рычание животного.

411b.

Церковные песнопения на библейские мотивы.

412.

Имя оленя в романе (Brichemers) не поддается точной этимологизации; с известной осторожностью можно возвести его к briche — уловка, западня и mere — очень (усилительная постпозитивная частица).

473.

Об этом эпизоде также рассказывается во II-й «ветви» романа.

481.

Небольшое укрепление, защищающее подъемный мост или ворота средневекового замка.

524.

Управитель замковой челяди в средневековой Европе.

551.

Это имя (Rovel, Rouvel) произведено от французского слова roux — «рыжий».

555.

Имя этого лесничего (Lanfroi) может быть с известной долей вероятности истолковано как «Холодная местность». Здесь текст оригинала не очень ясен: Ланфруа можно принять за имя лесника, за топоним (т. е. за название некоего леса) и за имя его владельца — какого-то сеньора Ланфруа (в Средние века название местности и имя ее владетеля очень часто совпадали).

654.

Имена вилланов в этом эпизоде, как правило, значимы и переданы переводчиком достаточно точно.

779.

Речь идет о знаменитом в Средние века месте паломничества — Сантьяго-де-Компостелла, где, согласно католической легенде, хранились останки св. Иакова, считавшегося покровителем Испании.

781.

Христианский праздник, отмечаемый на 50-й день после Пасхи.

825.

Старинная мера жидкостей и сыпучих тел, равная примерно 300 литрам (менялась в зависимости от того, в каком веке и где употреблялась).

1624.

Внутреннее укрепление в замке, позади основных крепостных стен.

1625.

Укрепленная башня, находящаяся обычно внутри замковых стен, имеющая свою автономную систему обороны и способная выдержать натиск осаждающих, уже преодолевших основные стены замка.

1673.

Распространенное в Средние века обращение к знатному, просто весьма почтенному человеку, к лицу, занимающему заметный пост среди духовенства (не следует путать с испанским словом «дон»).

1684.

Католический святой (ум. 397), епископ г. Тура. Он был одним из христианизаторов Галлии, много ездил по стране и считался, поэтому, покровителем путешественников.

1687.

Здесь и далее упоминаются события, о которых рассказывалось во II-й «ветви».

1764.

Старинная французская монета небольшого достоинства.

1899.

Имя королевы-львицы переводится как «Гордая».

1976.

Город на севере Франции; его упоминание указывает если не на место возникновения романа, то на ту область, где это произведение имело широкое хождение. И язык памятника, и его топография говорят о том, что он был создан на северо-востоке страны (Иль-де-Франс, Пикардия, Шампань, Фландрия, отчасти Нормандия).

2166.

Здесь имеются в виду персонажи французских эпических поэм Ожье Датчанин, сподвижник Карла Великого (не раз с ним враждовавший), и довольно редко упоминаемый Ланфруа.

2183.

Одна из основных крупных денежных единиц в средневековой Европе. Ее вес и стоимость менялись с течением времени и в зависимости от места чеканки (парижская, турская и кельнская марки, имевшие наибольшее хождение, весили около 233 г.)

2241.

Старинная мера длины, равная 30—50 см.

2370.

Т. е. виола, старинный смычковый музыкальный инструмент.

2374.

Здесь перечисляются формы средневековой французской поэзии; лэ были небольшими стихотворными повестями, в основном любовного и фантастического содержания; ритурнель — строфа лирической песни или стихотворения, состоящая из трех строк, из которых рифмуются между собой первая и третья, вторая же остается без рифмы; в более широком смысле ритурнель — повторяющаяся часть стихотворения.

2380.

Это имя, несомненно, произведено от глагола galoper и начиная с XIII в. употреблялось в Шампани, Бургундии, Нормандии как кличка посыльного, гонца.

2390.

Мерлин был героем популярных кельтских легенд, отразившихся в разных жанрах средневековой литературы, волшебником и чародеем, помощником короля Артура (см. 2391); Нотон — один из второстепенных персонажей артуровских легенд.

2391.

Король Артур был, видимо, реальным лицом (жил в VI в.), одним из вождей валлийцев в их борьбе с англосаксонскими нашествиями. Он стал затем легендарным персонажем, героем многочисленных сказаний, обработанных в XII—XIII вв. в псевдоисторических хрониках и рыцарских романах на многих языках средневековой Европы. Брендан был героем кельтской легенды о его чудесном плавании в земной рай и о путешествии в ад.

2392.

Имеется в виду «Лэ о жимолости», произведение талантливой поэтессы второй половины XII в. Марии Французской, в котором разработан один из эпизодов легенды о трагической любви Тристана и Изольды.

2437.

Фома Кентерберийский (1117—1170)—Фома Бекет, английский политический и церковный деятель; ревнитель строгих нравов, он, будучи канцлером Англии, вступил в конфликт с королем Генрихом II Плантагенетом, бежал во Францию к Людовику VII, затем примирился с Генрихом, но по возвращении в Кентербери был схвачен, судим и казнен. Канонизирован католической церковью.

922.

Это имя восходит к герм, hrog — отдых и hard — сильный, твердый.

927.

Жанр средневековой (провансальской и французской) песенной лирики; стихотворение довольно свободной формы и по преимуществу некуртуазного содержания с непременным рефреном.

67.

Средневековая французская серебряная монета не очень высокого достоинства.

87.

Растение, богатое эфирными маслами и поэтому широко употреблявшееся в медицине, парфюмерии и для приготовления всевозможных приправ.

156.

Имя этого персонажа легко переводится как «Дурная ветвь» (причем «ветвь» может пониматься как «лес»).

236.

Католический священник, не давший монашеского обета; обычно состоял при больших соборах.

237.

Монашеский орден, основанный в 1113 г. (назван по месту возникновения — городку Тирон в долине Луары); вскоре слился с орденом цистерцианцев.

259.

Католический святой, основатель самого влиятельного монашеского ордена бенедиктинцев, первого из подобных орденов.

312.

Настоятель мужского католического монастыря.

316.

Католическая церковь знает немало канонизированных святых с таким именем, в том числе несколько римских пап — Феликс I (269—274) и Феликс II (483—492).

1163.

Т. е. с 24 июня.

1244.

Имеется в виду Герман Осерский (380—448), один из самых почитавшихся в Галлии святых. В молодости он был страстным охотником, затем стал вести праведную жизнь и сделался епископом Осера, небольшого городка недалеко от Парижа.

1345.

Чемерица, ядовитая трава, употреблявшаяся, в частности, в ветеринарии как антипаразитарное средство.

1380.

В этом южноитальянском городе (недалеко от Неаполя) в конце XII в. возникла салернская медицинская школа, скоро ставшая знаменитой по всей Европе. Врачи из Салерно пользовались на всем протяжении Средних веков непререкаемым авторитетом.

1411.

Т. е. до северо-восточных провинций Франции.

1440.

Здесь также был прославленный медицинский факультет, возникший несколько позже салернского, но просуществовавший очень долго (тут преподавал еще Рабле).

1442.

Смысл этого намека таков: на своем пути Лис не доехал и до Манта, небольшого города недалеко от Парижа, т. е. все его рассказы — сплошная ложь.

1468.

Об этом рассказывалось во II-й «ветви».

1483.

Крупная денежная единица в средневековой Франции; на севере страны имел хождение парижский ливр, который со времени правления Филиппа-Августа (1180—1223) стал основной государственной монетой; несколько позже парижский ливр был вытеснен турским ливром. Ливр делился на 20 су, а те в свою очередь — на 12 денье.

1687.

В средневековой Франции так назывался офицер, исполнявший очень разные функции: он мог быть командиром отряда стражников или ополченцев, составленного из представителей городского населения или членов определенного цеха, и т. п.

1696.

Небольшой город на севере Франции, в Средние века — мощная крепость.

2035.

Percehaie, можно перевести как «Пронзающий (пробивающий) изгородь».

2046.

Espinarz—«Колючий», «Утыканный шипами».

2048.

Звуковое подобие имени Bausenz («Горбатый») сохраняет его ироническую окраску.

2051.

Этот персонаж — кузнечик; его соседство с кабаном, медведем, даже ежом как предводителями отрядов зверей бесспорно создавало комический эффект.

2056.

Главный священник при большом соборе, а также при армии, большом воинском отряде.

2069.

Католический святой (ум. 335), папа римский с 314 г.

2153.

Суконная подстилка под седлом.

2195.

Одногорбый африканский верблюд.

2271.

Католический святой (ум. 645), прославившийся своей мудростью и благочестием; согласно легендам, к нему приходил советоваться король франков Дагобер (правил с 628 по 638 г.).

1345.

Старинная мера объема, равная примерно 13 литрам.

1376.

О подобной уловке Лиса, прикидывающегося мертвым, чтобы избежать опасности или подпустить к себе птицу, на которую Лис охотится, рассказывалось в баснях, в «Физиологе» и бестиариях, в отдельных «ветвях» романа.

1400.

Имя Brune («Темная») может значить также «Несчастная», «Зловещая».

1467.

Такой город действительно есть недалеко от Парижа. Но, как полагают исследователи, вряд ли в данном случае имеется в виду именно он; поэтому выражение «дать в дар Шуази» можно приравнять к выражению «дать в дар целое королевство».

1500.

По средневековому обычаю феодал, принявший от более крупного феодала во владение лен (т. е. земельный надел), становился вассалом, бравшим на себя вместе с этим леном целый ряд обязанностей (являться в определенное время ко двору своего сюзерена, входить в его войско, оказывать денежную помощь и т.п.).

1577.

В средневековых замках входные ворота или двери могли распахиваться или подниматься (последнее было более удобно для охраняющих вход).